

Слава Лунич

ТИЛИТРИМЫ:
ПРЕДПОСЛЕДНЯЯ
СТРАНИЦА

Слава Лунич

Пилигримы:
Предпоследняя страница

«Автор»

2026

Лунич С.

Пилигримы: Предпоследняя страница / С. Лунич — «Автор»,
2026

За долгие годы на прекрасном Купусе Сань, доставлявший молоко от ферм, привык к тихой спокойной жизни. Ранним утром он подслушал разговор двух ильдов. Они говорили о крови: «берём только с людей» и «Всё держится на том, что кто-то должен умереть». Старинные документы, рассказывающие о землянах и их роли на Купусе, дают ответы на все вопросы. До тех пор, пока они не начинают врать. Сань должен узнать правду. Любой ценой.

© Лунич С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	35
Глава 6	41
Глава 7	47
Глава 8	53
Глава 9	60
Глава 10	66
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Слава Лунич

Пилигримы: Предпоследняя страница

Глава 1

4 день. 30.

Вдим распахнул входную дверь в седьмом часу. Давным-давно так у них с Санем сложилось: ни к чему стучать, если решил заглянуть к старому другу.

- Эй, ну как ты? Живой?

- Пока да. - Сань устало улыбнулся.

- Ну и славно. - Вдим снял ботинки, один поставил, второй пнул к стене. - А я, между прочим, от Ласовых пешком припёрся. Пешком, Сань. Четыре километра.

- Сочувствую.

- Ага, верю! Ты сам-то когда последний раз без колес передвигался?! Ходьба полезна для здоровья вообще-то! У тебя есть что?

- Тёмное, как обычно. И это уже для здоровья не полезно. Но тебя это не остановит?

- Ладно, 1:1, уделал. - Вдим прошёл на кухню вперёд хозяина и полез в холодильник. - О, а это что?

- Не трогай, это на завтра.

- Да я посмотреть.

- Хочешь как тогда? Посмотреть, попробовать, а потом весь день с больной башкой маяться?

- Обижаешь. - Вдим достал две бутылки, дверцу закрыл коленом и сел, вытянув ноги под стол. - У тебя, кстати, лампочка в коридоре моргает.

- Знаю.

- Хочешь, поменяю?

- Давай. - Сань с вызовом кивнул в сторону коридора.

- Ну потом как-нибудь, - сказал Вдим и открыл бутылку о край стола, хотя открывалка лежала прямо перед ним. - Слушай, мне Кай вчера рассказал такую штуку.

- Ну.

- Они на той декаде аппарат отправили. Автоматический, без людей. К четвёртой системе.

- И?

- Летит семь лет, Сань. - Вдим сделал длинный глоток. - Семь лет туда. Там, говорят, что-то с рудой, надо посмотреть получше. И им, представляешь, не лень. Семь лет ждать ради «посмотреть получше».

- Хорошая работа. Отправил и забыл.

- Да я не про то! - Вдим махнул рукой. - Я про то, что они это делают. Постоянно делают. У них аппараты в четырёх системах, у них колония стоит в соседней, они спутники запускают, я не знаю, каждый год по два, и все такое. Кай говорит, у них там на площадке очередь, реально очередь стоит, кто раньше полетит.

- Ну и молодцы. С каких пор ты прогресс не одобряешь?

- Так, а теперь скажи мне. - Вдим поставил бутылку и посмотрел на него. - Сколько раз за пятьсот тридцать пять лет они отправили хоть что-нибудь к Земле?

Сань подумал.

- Не знаю.

- Ни разу. Ни одного раза. Ни человека, ни железки, ни этой... как её, станции автоматической. Ничего. Пятьсот тридцать пять лет, Сань.

- Ну а зачем?

- Как это - зачем?

- Так. Зачем? - Сань взял себе вторую и снова сел напротив. - Ты сам сказал: они летают туда, где руда и прочие ресурсы. Где есть что взять. А Земля - это планета, с которой ушли, потому что жить там стало нельзя. Оттуда брать нечего. Какая выгода? Что они там будут добывать, пепел?

- Так, может, там уже не пепел!

- Может.

- Так вот и слетайте, посмотрите! Одна железка, Сань. Одна.

- Одна железка, которая полетит двадцать один год. Гениальное вложение бюджета, бесприбыльная инвестиция.

Вдим осёкся.

- Почему двадцать один?

- Потому что до Земли втрое дальше, чем до соседней. - Сань пожал плечами. - Это в открытых таблицах в музее висит, ты сам меня туда таскал. Твой аппарат до четвертой семь лет идёт. До Земли - двадцать с лишним. Он туда долетит, когда нам с тобой будет по пятьдесят пять. И столько же обратно, если все пройдет удачно.

- Ну и что.

- А то, что кто-то должен под этим расписаться. - Сань отпил. - Ты вот подписал бы смету, которую закроет твой внук?

- У меня нет внуков.

- Тем более.

Вдим посидел, задумавшись и подперев подбородок. Вид у него был как у человека, который наткнулся на тупик и ищет обходной путь.

- Ладно, - сказал он. - Хорошо. Дорого, долго, никто не хочет. Согласен даже. Но ты мне тогда другое объясни.

- Ну.

- Они любопытные. Как им может быть неинтересно, что там с Землей?

Сань молчал.

- Нет, ты послушай, это важно. - Вдим подался вперёд. - Они же во всё нос суют, ты сам знаешь. Григ твой - он что делает? Он у себя на участке каждую грядку меряет, записывает, ходит с этой своей папкой. У них спутник висит чуть не над каждым полем, они знают, где сколько выросло с точностью до мешка. А сколько они всего в медицине придумали, а там где не могут решить проблему, упорно ковыряются. Это народ, который не может пройти мимо непонятного, у них это в крови.

- Допустим.

- Не «допустим». А так и есть.

- Ладно, так и есть.

- И вот эти самые люди - ну, ильды, неважно - пятьсот тридцать пять лет живут рядом с нами и ни разу ни один из них не сказал: слушайте, а давайте глянем, что там у вас осталось. Ни разу, Сань. Ни один. - Вдим развёл руками. - Тебе самому-то не странно?

Сань покрутил бутылку.

- Странно, конечно, - сказал он.

- О!

- Странно, но объяснимо.

- Ой, ну конечно!

- Слушай, а нас-то кто-нибудь спрашивал? - Сань поставил локти на стол. - Вот нас с тобой. Тебе за тридцать четыре года хоть раз пришло в голову пойти в управу и написать бумагу: прошу отправить аппарат к Земле?

- Мне бы её вернули.

- Может, и вернули бы. Но ты же не писал.

- Я не писал, потому что...

- Потому что тебе тоже неохота. - Сань кивнул. - Вот и им неохота. Не строй очередную теорию заговора там, где его нет. Это просто никому не надо. Ни им, ни нам.

Вдим засмеялся. Смеялся он всегда охотно, в том числе над собой, и это была одна из лучших его черт.

- Складно ты говоришь, водитель.

- Как есть.

- Складно, но неправильно. - Он отсмеялся и стал серьёзным. - Потому что нам-то как раз надо. Или должно быть надо. Нас сюда две тысячи человек привезли, понимаешь? Две тысячи. Живых. У них там семьи оставались, кто-то же остался, не все же улетели. И вот прошло четырнадцать поколений. Мне тридцать четыре, и я не знаю, есть там что-нибудь или нет. И тебе тридцать пять, ты тоже не знаешь. И никто не знает. И никого это, зараза, не беспокоит.

- Тебя беспокоит.

- Ага. - Вдим поднял бутылку и опустил, не отпив. - И я, между прочим, ни одного человека не знаю, кроме себя, кому было бы до этого дело.

Сань не ответил.

- Она восстановилась, - сказал Вдим тише. - Земля. Я тебе точно говорю. Даже если люди там совсем вымерли, через три поколения там всё должно зарости обратно, это ж не я придумал, это природа так работает.

- Может, и так.

- Не «может». А раз так, то кто-то это знает и молчит.

- Кто?

- Совет, кто ж ещё.

- А им это зачем? Ты же сам тут настаивал, что они любопытные и должны хотеть исследовать всякое.

- Затем, что мы им тут нужны.

- Мы им нужны на работах, - сказал Сань. - Это, вообще-то, в договоре написано. Не намёками, а прямым текстом первым же пунктом. Возьми да прочитай.

- Читал я.

- Ну и?

- И то, что написать-то можно что угодно.

За окном ещё было светло. По переулку кто-то катил тачку, она прошуршала по щебенке до крайнего дома, и снова воцарилась тишина. Сань поднялся за третьей порцией, хотя встать ему было в три.

Вдим повертел пробку в пальцах. И завел старую шарманку, которую Саню всегда хотелось остановить, но было как-то неловко.

- Мои не сами упали.

- Я знаю, что ты так думаешь.

- Они в горы двадцать лет ходили. Двадцать, понимаешь? Меня мать туда в переноске таскала, я в два года на камнях ночевал, мне отец потом рассказывал, как я там... - Он остановился. - Неважно. Двадцать лет. И упали ровно в том месте, куда нормальный человек не полезет. Куда они сами бы не полезли, вот в чём штука.

- Ты был в том месте?

- Нет. Мне девять было тогда. С собой меня не взяли, сказали «мальчику нечего там делать», и всё.

- А сейчас тебе тридцать четыре.

Вдим поднял на него глаза.

- Ну съезди, - сказал Сань. - Я серьёзно. Возьми выходной, найди мужика с той стороны хребта, заплати ему, пусть покажет. Может, там тропа обвалилась. Может, они за чем-то полезли. Может, у кого-то сердце прихватило - тебе тридцать четыре, а им сколько было?

- Матери сорок один.

- Ну вот. - Сань помолчал. - Ты пятнадцать лет про это место говоришь и ни разу его не осмотрел.

- И чего я там увижу через двадцать пять лет?

- Может и ничего. Но будешь хотя бы знать, а не представлять себе всякую муть.

Вдим долго молчал, катая пробку по столу.

- Знаешь, что самое паршивое? - сказал он, наконец. - Что ты, наверное, прав. Вот в чём беда-то. У тебя всё сходится, а у меня родителей нет. И это как бы... - он поискал, - ну, это как бы две разные вещи. Никак не сводятся.

Сань не нашёл, что ответить.

- Да ладно, - сказал Вдим и махнул рукой. - Чего мы всё об одном и том же?! Ты лучше скажи, закусить у тебя есть что-нибудь?

- Хлеб есть. Сыр где-то был.

- Где-то был - это как?

- Это значит посмотри на нижней полке.

Вдим сходил и вернулся с сыром, хлебом и пучком зеленого лука.

- Лук-то зачем? - спросил Сань.

- А что? Насыпаешь соли и макаешь лучок в него - и красота!

Вдим тут же проиллюстрировал свои слова и принялся жевать с довольной миной.

- Ну и вкусы у тебя! - Сань деланно передернулся.

Он, смеясь, рассказал другу пару странных рецептов, которые опробовал на той неделе, но во взгляде его чувствовалась тревога и сочувствие. Вдим ушёл в одиннадцатом часу - сам засобиравшись, посмотрев на часы, помнил, во сколько Саню вставать. У порога обернулся, сказал, что в следующий раз принесёт своё.

Сань вымыл посуду и лёг в половине одиннадцатого.

Дом ему остался от родителей: две комнаты, кухня, сарай, угол улицы и переулочек. Окно спальни выходило в переулок. Летом он часто спал с открытым - свежий воздух гарантировал хороший сон и здорово бодрил утром.

Он проснулся сам за четверть часа до будильника, как обычно. Оделся в темноте, взял путевой, вышел во двор и открыл ворота. Машина стояла носом на улицу, он всегда её так ставил. Оставалось завести и ехать.

Голоса он слышал, когда обходил кузов и шупал левый борт.

Двое стояли в переулочке у ограды шагах в пятнадцати. Ильды. В темноте это видно сразу: они на голову выше любого забора. Говорили тихо, только в переулочке в четвёртом часу это не помогает: ни машин, ни людей.

- ...ну сколько ещё-то? Ты мне каждый раз: скоро, скоро.

- Придут сами.

- Ты и в прошлую декаду так сказал. Слово в слово.

- И сейчас повторю. Это, друг мой, не от нас с тобой зависит.

Один переступил, щёбёнка скрипнула.

- Смешно, вообще-то, - сказал первый. - Ты подумай. Всё держится на том, что кто-то должен умереть.

- Тише.

- Да кто тут в такое время...

- Всё равно тише.

Сань стоял с фонарём в руке и не включал его.

- Меня, если честно, другое злит, - сказал первый, уже тише. - Мы столько ждём, а берём только с людей. Ни одного нашего, вообще ни одного. Кровь людей, и всё. Как будто наша хуже.

- Тебе же объясняли почему.

- Ну объясняли, объясняли. Я разве спорю? Я говорю, противно это.

- Ты слишком много говоришь.

Второй сказал это ровно, без выражения, и первый замолчал.

Потом они пошли. Обычным прогулочным шагом, и вышли из переулка на улицу - прямо мимо Саня.

Тот, что повыше, повернул голову и увидел его. Не остановился и не сбился с шага. Лишь наклонил голову, как они все делают, когда говорят с человеком, и сказал:

- Доброе утро!

- Доброе утро, - пробормотал Сань на автомате.

- Рано вы.

- Так молоко же.

- А. Ну да. - Ильд кивнул. - Хорошего дня вам!

Второй тоже кивнул. Радужка у него поймала свет с дальнего фонаря и на секунду стала ярко-жёлтой, как у всех них. Они дошли до угла и свернули к центру.

Сань постоял ещё немного, потом залез в кабину и завёл. Холодильник пошёл на разгон. По приборам всё было в порядке.

Погрузка у Юны стояла на половину четвёртого.

Он подъехал в двадцать минут и глушить не стал. Кузов он гонял с вечера, тот дошел до четырех градусов ещё в гараже, и открывать раньше времени значило терять холод. Сидел и смотрел на тёмные ворота двора.

Свет зажгли в двадцать пять минут. Юна вышла в переднике с фонарём, махнула - сдавай задом. Он сдал в три приёма, ровно к порогу молочной. Между бортом и косяком осталось меньше ладони. Так короче катить.

- Доброе, - сказала Юна.

- Доброе. Тэм спит?

- Ох, он на этот раз обещал, что сам встанет.

- И как?

- Встал. - Она зевнула в кулак и махнула головой в сторону. - Один раз в жизни изволил подняться.

Тэм вышел через минуту, на ходу застёгиваясь, и заговорил ещё из дверей.

Сань открыл кузов. Изнутри пошёл холод, и в свете фонаря стало видно, как он ложится на порог и стекает во двор. Сань посмотрел на термометр у передней стенки. Четыре и две.

- ...а Прановы-то, слышал, третьего вытянули! - говорил Тэм, закатывая первую флягу. - Нет, ну ты представляешь? Четвёртый год в жеребёвку идут, четвёртый! И вот вытянули, наконец. У нас же на общину сколько того права дают - раз в год одно на всех, кто подавался. А подаются человек двадцать. Мать говорит, они теперь дом надстраивать будут, второй этаж, что ли. А куда им второй этаж, у них и на первом-то просторно...

- Угу.

- А Ласовы опять мимо. Вот тут прямо обидно, честное слово. Она в управу ходила, просила третьего малыша без жребия. Ей же сорок два, ну сколько она ещё родит? Год, два. А в жеребёвку ей ходить ещё лет пять, пока очередь дойдёт. Ей говорят - можно, конечно, только

справку от врача принесите, что вам по возрасту дальше нельзя. А врач ей пишет: здорова. Здорова - и всё, гуляй.

- Ну а он что, врать должен?

- Да я не про врать. Я про то, что она пока здорова, а через два года будет уже не здорова, а поздно. Вот и получается - сейчас нельзя, потому что рано, а потом нельзя, потому что поздно.

- Угу.

- Вот и я про то же.

Сань принимал фляги у борта и ставил в два ряда, горловина к горловине. Тэм катил их по двору наклоном, как катают все, кто вырос при коровах, не замедляясь и не замолкая ни на секунду.

Сань считал. На восемнадцатой он уже знал, что чего-то не хватает. На тридцать восьмой Тэм разогнулся и потёр поясницу.

- Всё.

- Тридцать восемь.

- Ну да, тридцать восемь и есть. - Тэм широко развел руками, как будто уверяя в собственной честности.

- В прошлый раз был сорок один.

Юна подошла с накладной и карандашом.

- Две в запуске, - сказала она. - И Рыжая приболела, доим вполтину.

- Ветеринара звали?

- А как же!? Приехал, посмотрел. Говорит, к концу декады встанет.

- А если не встанет?

- Тогда, - сказала Юна, - приедет ещё раз, и там уж решим.

Он посмотрел в накладную. Тридцать восемь фляг по сорок - тысяча пятьсот двадцать литров. В прошлую ходку было тысяча шестьсот сорок. Расписался, оторвал свой лист, убрал за козырёк.

- Слушай, - сказал Тэм. - А правда, что на трассе у поворота гостиницу строят?

- Не знаю.

- Да строят, мне говорили. Для дальних которые. Там же ночью никто не стоит, а если гостиница, то и стоять будут, и я бы, может, туда пошёл работать, а чего мне тут-то, я же...

- Тэм. - Юна не повысила голоса. - Дай человеку уехать.

- Да я просто спросил!

Сань попрощался с ними, залез в кабину. Двор к этому времени было видно уже без фонаря - светлело здесь быстро. За молочной начинался сад, и оттуда так тянуло душистым ароматом самых разных цветов, что при открытом окне через двадцать минут начинала болеть голова. Он поднял стекло, включил вытяжку и выехал.

До приёмного пункта двадцать два километра. Держал шестьдесят, на температуру в кузове смотрел чаще, чем на дорогу.

Молоко от Юны шло вторым в утренней ходке. Первым был Тарс с дальней фермы, но у Тарса теперь стояли свои холодильники, и Сань забирал у него раз в декаду. Третьим - кооператив за мостом; там людей много, в кузов лезут сами, ему остаётся посмотреть, расписаться и опломбировать.

Всё сдал к семи. Приёмщика звали Тог. Ильд стоял под навесом, пригнув голову: навес ставили ещё до того, как пункт сделали общим, и переделывать никто не собирался.

- Пломба.

Сань показал номер. Тог посмотрел проволоку, сверил с накладной, расписался. Пальцы у него были в полторы человеческих длины, и карандаш он держал за самый кончик.

- Температура?

- Четыре и две на загрузке. Сейчас четыре и шесть.

- Хорошо. - Он поставил галочку. - А чего мало сегодня?

- Две в запуске у Юны. И одна болеет.

- Понятно. - Тог посмотрел на небо, потом снова на бумагу. - У всех сейчас мало. Не знаю, что такое. Корма, говорят, в этом году хуже пошли.

Разгружали двое людей и один ильд. Тот брал по две фляги сразу и ставил на весы не глядя. Люди катили по одной.

Сань стоял у борта и смотрел на весы. Сорок один и два. Сорок и девять. Сорок один. Молоко тяжелее воды, сорок литров тянут на сорок один с небольшим, и разброс был обычный.

- Завтра во сколько? - спросил Тог.

- В половине четвёртого у неё.

- Тогда до завтра! - Тог тепло улыбнулся и взмахнул рукой в прощальном жесте.

На обратном пути Сань заехал на мойку. Кузов мыли раз в три дня - не прихоть, требование. Он открыл створки, вынес поддон, прошёлся шлангом по стенкам и по полу и оставил открытым, чтобы проветрить. Пил он тоже из шланга, как все.

Дальше дорога шла через мост и мимо больницы. Она стояла у самого края, белая, с широкими дверями и высокими проёмами, у левого крыла всегда парковались санитарные. Этой дорогой Сань ездил по два раза в день лет двенадцать.

Он сбросил скорость до сорока и посмотрел на левое крыло здания. Ничего там не было. Машины, крыльцо, двое в халатах курят.

Лаборанты, подумал он. Кровь на анализы. У людей и у ильдов она разная, работают с каждой по-своему и говорят как об отдельных вещах. Всё сходится.

Он ехал и возвращался к этому весь остаток обратки. Домой он вернулся к полудню. Лёг, как всегда после ходки, но не смог уснуть. Лежал и разбирал разговор в переулке заново, кусок за куском, как разбирают путевой, когда не сходится время. Первый злился. Второй успокаивал. Значит, ждут чего-то, что от них не зависит и должно случиться само.

Он повернулся на другой бок. Кровь берут в больнице. Обычно это доноры сдают, если есть нехватка. Донорам платят, и людям, наверное, платят больше - их же мало. А если человеческая годится только человеку, то и брать её будут только с людей, и всё тут объясняется. Получалось так гладко, что он два раза почти заснул. Непонятно было только про смерть.

Он сел на кровати. За окном обычный день: светло, тепло, запах из-за ограды, птица на проводе. За пятьсот тридцать пять лет тут не случилось ни одного бедствия - ни землетрясения, ни бури, ни засухи. Об этом даже в школе не говорили. Не говорят же о том, что вода мокрая.

Сань встал, дошёл до кухни, налил воды. Он пытался вспомнить точно. Первый сказал: всё держится на том, что кто-то должен умереть. Не «умрёт». «Должен умереть».

Может, он и сказал «умрёт». Может, он вообще сказал как-то еще иначе, а Сань из-за недосыпа недослышал.

Он поставил стакан и посмотрел на часы. До выезда оставалось четырнадцать часов. Тогда он вышел во двор и достал из бардачка чистый бланк путевого. Вернулся, перевернул его и на обороте в пустом поле для отметок грузополучателя записал всё, что помнил. Слово в слово. Вышло три строчки и одно место, где он поставил прочерк, потому что не был уверен.

Потом прочитал подряд, как читают накладную перед тем, как расписаться. Донор - это живой человек. Он приходит сам, берут положенное и отпускают домой. Ждать тут нечего и некого.

А эти двое ждали, и не первую декаду, злились, что долго. И ждали они, если он всё расслышал правильно, чью-то смерть.

Сань перечитал ещё раз. Выходило, что кровь им нужна только человеческая и только от мёртвых. Первое ещё как-то объяснялось. Второе - бред какой-то. Кровь мёртвого человека не годится никуда - ни на переливание, ни на анализы, ни на лекарство, ни на что вообще. Её утилизируют, как и все остальные образцы после вскрытия.

Он положил лист на стол и придавил стаканом.
Кому и зачем нужна кровь, которую нельзя использовать?

Глава 2

10 день. 30.

Листок Сань не выбросил. Он пролежал под стаканом два дня, потом Сань убрал его за козырёк к путевым. Раз в день доставал, читал три строчки и убирал обратно. Один раз почти скомкал.

Дни шли как обычно. Тридцать восемь фляг, потом тридцать девять, потом сорок - Рыжая встала, как ветеринар и говорил. Кооператив за мостом продержал его сорок минут: половина бригады не вышла, и в кузов пришлось лезть самому. Сань всю обратку злился. Погода стояла ровная, дождь был один раз, ночью.

Как-то на обратке он заехал на мойку и застал там Рэма. Пост был один: второй с весны стоял разобранный. Рэм домывал будку и занял проезд, Саню пришлось ждать в стороне. Рэм возил мясо в Малью, был старше на девять лет и мыл, как все, шлангом, только всегда с мылом.

- Здоров! - Он поднял руку, и струя ушла дугой через весь двор.

- Здоров. Ты бы её вниз.

- Ой. - Рэм опустил шланг. - Ты чего сегодня рано?

- У меня две точки. У тебя четыре.

- У меня, Сань, не четыре, а пять. - Он перехватил шланг под мышку и стал загибать пальцы, но сбился и махнул рукой. - Мне ещё на комбинат, я тебе говорил. Они там приёмку сдвинули, теперь смена в другое время начинается, и я, значит, стой и жди.

- Долго стоишь?

- Час. - Он подумал. - Иногда полтора.

- За это платят?

- За это, Сань, никогда не платят.

Сань открыл створки, вынес поддон и поставил его к стене на солнце. Бетон под ногами парил, вода уходила в решётку с шипением.

- Слушай, - сказал он, не оборачиваясь. - Ты кровь когда-нибудь сдавал?

Шипение оборвалось.

- Куда, в больницу? - Рэм выключил воду и вытер лоб запястьем, потому что ладони были в мыле.

- Туда.

- Так у нас не берут.

- Совсем?

- Ну а ты кого знаешь, кто ходил? - Рэм посмотрел мимо него, на ворота, и задумался.

- У длинных берут, это да. У них там пункт, по утрам стоят. А из наших... - Он не нашёл и махнул рукой. - Не. Из наших никто. У нас же если где плату сулят, через день все в курсе.

- Это да.

- А то.

Он бросил шланг, смотал его локтем в три оборота и полез в кабину. Дверцу будки закрыл уже на ходу. Вода к полудню шла тёплая и пахла шлангом, а пить всё равно было больше нечего.

Декада кончалась, и путевые надо было сдать. Сань вытащил из-за козырька всю стопку, отобрал десять листов, свой оставил и поехал в контору.

Она стояла на выезде к трассе - длинный ангар на шесть ворот, смотровая яма в дальнем конце, зарядные посты вдоль стены. Конторка была у входа, окном во двор. Сань оставил машину за воротами и вошёл с пачкой.

В конце декады сдавали все разом, и Сань подождал двоих. Стойку тут ставили под ильда, а людям подставили ящик. Встанешь - видишь Верка, без подставки - лишь его карандаш. В дальнем конце ангара в равными промежутками колотили по железу.

Верку было под семьдесят, за руль он не садился лет пятнадцать и принимал листы у всех, кто возвращался.

- Клади.

Сань положил пачку и встал на ящик. Нарядчик разложил листы по числам, посплюнул карандаш и пошёл сверху вниз: выезд, возврат, одометр, километраж.

- Первое. Шестьдесят три.

- Шестьдесят три.

- Второе. Шестьдесят три. Третье. Шестьдесят три. Четвёртое. Восемьдесят один.

- Тарс.

- Вижу, что Тарс. - Карандаш пошёл дальше. - Пятое, шестое, седьмое... Восьмое. Шестьдесят девять.

- Мост закрывали. Ездил через верхнюю дорогу.

- Написал?

- Снизу вон там.

Верк перевернул лист, нашёл строчку, вернул лист обратно и поставил галочку. Три секунды.

- Девятое. Десятое. Ровно.

Он собрал листы, выровнял пачку о стойку и наколот на штырь.

- А если не ровно?

- Пишешь объяснение. - Нарядчик головы не поднял. - Не напишешь - лист не приму.

Не приму - мастер смену не закроет.

- И всё?

- И всё. Ты двенадцать лет ездешь и спрашиваешь.

Стук в дальнем конце стих. От ямы шёл Ним, вытирая руки о ветошь.

- Верк. Ты мне за прошлый год стоянку так и не закрыл.

- Закрыл.

- Не закрыл. Я на комбинате до девяти стоял, у них приёмка...

- Сейчас посмотрим.

Он ушёл в заднюю дверь и вернулся с толстой подшивкой в картонной обложке с числами на корешке. Положил её боком к Ниму и стал листать с конца.

- Триста тридцать первый. Вот твой. Возврат девять пятнадцать. Стоит.

- Стоит. А платят?

- По наряду платят, не по путевому. Наряд у мастера.

- Ну вот. - Ним развёл руками вместе с ветошью. - Каждый раз одно и то же.

- Сходи к мастеру и скажи.

- Я ходил.

- Сходи ещё. Я тебе бумагу дал, дальше не моё дело.

Сань смотрел на подшивку.

- Их долго держат?

- Пятнадцать лет. По инструкции. - Верк прихлопнул корку. - Списывать можно, только никто не списывает. Места хватает.

- И часто спрашивают?

- За двадцать лет три раза. - Он подумал. - Нет, четыре. Инспекция, авария и два раза мужики между собой не сошлись, как вот этот.

Ним скрутил ветошь в жгут.

- Я, между прочим, стою.

- Стой.

Он унёс подшивку обратно.

- Слушай. - Сань взял свой корешок со стойки и сложил его вдвое. - Ты кровь сдавал когда-нибудь?

Ним перестал крутить ветошь.

- В больницу, что ли?

- В больницу.

- Так у нас не берут.

- Почему?

- А я почём знаю. - Ним пожал плечами вместе с ветошью. - Не берут и не берут. У них своих вон сколько.

- А платят?

- Кому, тебе? Так тебя и не позовут.

Он повернулся к яме и сложил ладони у рта.

- Тос! Вылезай! Тут человек кровь сдать хочет! - под конец фразы он не выдержал и рассмеялся.

Внизу звякнуло, как будто положили инструмент в ящик.

- Чего?!

- Вылезай, говорю.

Из ямы показалась голова, потом вылез и сам Тос - молодой, с чёрными по локоть руками.

Он вытер руки о штаны, но чище они не стали.

- Кто хочет?

- Вот он хочет. - Ним мотнул подбородком в сторону Саня. - Кровь сдать. В больницу.

Тос посмотрел не на Саня, а на его руки.

- Порезался, что ли?

- Да не порезался он! - Ним прихлопнул ладонью по стойке. - Сдать. Как это... донором.

Приходишь, у тебя берут, тебе за это платят.

- Платят?

- Ну.

- Так у нас не берут.

- Вот и я ему то же самое.

Тос вытер руки о штаны ещё раз, и чище они опять не стали.

- А сколько дают?

- Так не берут же!

- Ну а если бы брали.

- Никто не знает, Тос. Никто не знает. - Ним развёл руками. - Ты бы сдал?

- Смотря сколько. И смотря куда её потом.

- Тебя послушать, так ты уже торгуешься.

- Я не торгуюсь. Я спрашиваю.

- Иди работай, торговец. - Ним махнул на него ветошью и захохотал так, что от стойки оглянулись. Тос полез обратно, и снизу опять звякнуло.

Верк вернулся и повернулся к тому, кто уже стоял за Санем со своей пачкой. Сань сошёл с ящика и вышел.

В гараже знали всё: где переработка, где премия, куда берут людей на работы и почём. Если бы в Таске кому-то платили за кровь, тут узнали бы первыми, и он услышал бы об этом лет пятнадцать назад.

Мимо больницы Сань ездил по два раза в день. В тот раз он остановился. Внутри было прохладно и слабо пахло моющим средством. По коридору катили каталку, и одно колесо цокало через оборот. За стойкой сидела женщина-ильд, Саню было видно только её локти и лицо.

- Здравствуйте. Вы к кому?

- Я не к кому. У вас у людей кровь берут?

- В смысле «берут»?

- Донором. Прийти и сдать.

- А. - Она отложила карточки, которые до этого раскладывала. - Нет. У людей не берут.

- Почему?

Женщина открыла было рот и закрыла.

- Ой, сейчас ... Посидите минутку.

Сидеть было не на чем: стулья в холле были только под ильдов, и Сань остался стоять у стены. Регистратор высматривала кого-то поверх его головы, потом привстала и махнула рукой в конец коридора.

- Погодите! Вы во второй корпус? Тут спрашивают, почему у людей кровь не берут.

По коридору шла вторая постарше, в халате, с папкой под мышкой. Она остановилась, не дойдя, и глянула на часы над стойкой.

- Кто спрашивает?

- Да вот. - Регистратор показала карандашом вниз на Саня.

Врач нашла его глазами не сразу: он стоял у стены, ниже стойки.

- Это вы спрашиваете?

- Я.

- Мне всё равно мимо. Пойдёмте, покажу, чтоб на словах не объяснять.

Она пошла по коридору, укорачивая шаг, и всё равно уходила вперёд, потом останавливалась и ждала.

- Вот. - Врач стукнула костяшкой по табличке на двери. - Донорский пункт. Три дня в декаду с утра. Очередь бывает до самого угла.

- И людей в этой очереди нет?

- Не было ни разу. - Она сказала это, не подумав ни секунды. - Я тридцать лет тут работаю.

- Почему?

- Потому что незачем.

- Это как?

Врач переложила папку под другую руку и посмотрела на него сверху вниз - не свысока, а просто потому, что иначе не получалось.

- Вашу кровь можно перелить только вашему. Нашему нельзя, у нас с вами всё разное, это ещё при первых поселенцах выяснили. А ваших сколько? Тысяч десять на всю планету.

- Около того.

- Ну вот. А переливаний человеку за прошлый год было... - Она подняла глаза к потолку и посчитала. - Три. По всей Алье три. Один после аварии, два плановых.

Каталка проехала мимо них и укатилась за угол.

- И кровь ведь не лежит вечно, - сказала врач. - Сорок два дня, и всё, дальше списывают. Вы представьте, что тогда было бы. Мы зовём людей, платим, держим под это холодильник, ведём на каждого карточку. А потом раз в декаду приходим и всё это выливаем, потому что срок вышел. И так каждую декаду пятьсот лет.

Сань молчал.

- На плановую операцию человек сам себе сдаёт заранее за две-три декады, - сказала она. - Своя кровь, никакой возни с совместимостью, и лежать ей всего ничего. А на экстренный случай растворы есть, они любому годятся.

- А если сразу много надо?

- Тогда собирают родню и знакомых, у кого группа подходит, и берут прямо на месте. Это редко, но бывает.

- Понятно.

- А вам зачем, если не секрет? - Врач наклонилась чуть ниже. - Сдать хотели?

- Хотел.

- Да вы не расстраивайтесь. У нас своих хватает, нас же вон сколько, а вас мало. - Она уже пошла было и обернулась. - Вы из Таска?

- Из Таска.

- Ну вот, вы почти все там и сидите. Половина ваших в одном посёлке. Мне это всегда казалось странно, а потом объяснили - историческое место, первая высадка. Люди, оказываются, привязываются к таким вещам.

Она посмотрела на часы ещё раз, сказала «ну, я побежала» и пошла дальше по коридору. Никуда она не побежала, шла своим обычным шагом.

Сань вышел. На крыльце стояли двое в халатах и курили. Он прошёл мимо, сел в кабину и минуты три не заводил.

Спать он в тот день после смены не стал. Поставил машину во двор и пошёл через площадь в библиотеку. Она занимала первый этаж дома культуры. Стеллажи стояли высокие, под ильдов, и на каждом втором закреплена лесенка на колёсиках - для людей.

За стойкой сидела Мирт. Ей было шестьдесят два, она работала тут дольше, чем Сань водил машину, и знала в лицо всех, кто хоть раз брал книгу.

- О, - сказала она, не поднимая головы от карточек. - Явился.

- Здравствуйте!

- Здравствуй, здравствуй. Ты у меня в последний раз был... - Она вытянула ящик и пролинула его большим пальцем. - Полтора года назад. Полтора года, Сань. И то тебя мать привела.

- Мать умерла шесть лет назад.

Карточка легла обратно не в ту ячейку.

- Ой. Ой, прости. Это Ласова была с сыном. Ты меня прости, я в лицах путаться стала.

- Ничего.

- Ничего, ничего... - Мирт переставила карточку, куда надо. - Тебе чего надо-то?

- Про первую высадку.

Библиотекарь сняла очки, протерла, потом надела обратно.

- В смысле - про первую высадку? Тебе для чего? Ты же не учишься.

- Да просто поспорили с другом. Вот и хочу утереть ему нос своими аргументами.

- А. Ну спор - это дело. - Она отодвинула карточки на край стойки и встала. - Про что спорите?

- Точное место, где люди высадились.

- Так тут же и сели. Это все знают. У нас на площади камень стоит, ты его сто раз видел.

- Я и говорю: все знают. А товарищ говорит - покажи бумагу.

Мирт посмотрела на него поверх очков.

- Хороший у тебя товарищ, дотошный какой. - Она покачала головой и поднялась. - Пойдём.

Архив был в задней комнате. Стеллажи такие же высокие, лесенка одна на всю комнату. Пахло старой бумагой и немного пылью.

- Так. Первые годы вот тут. Это подшивки совета, это протоколы, это... это не то, это хозяйственное. - Она вытянула папку, посмотрела и сунула обратно. - Ты имей в виду, тут всё в копиях. Подлинники в Малье, у нас их сроду не было.

- Копия тоже годится.

- Ну и слава богу, потому что другого нет. - Библиотекарь подкатила лесенку и придерживала её рукой. - Достань-ка вон ту синюю. Я по этим лестницам уже не ходок.

Сань достал тяжёлую папку с матерчатыми завязками, и они разложили её на столе. Мирт листала быстро, привычно, придерживая страницы ребром ладони.

- Год ноль... год первый... Вот, смотри. Про расселение. «О размещении прибывших». Ага. Так, это про питание, это про воду... Погоди.

В зале два раза скрипнула лесенка.

- Что? - Сань даже задержал дыхание.

- Да ничего. - Она вернулась на страницу назад, потом вперёд. - Тут написано «долина», а не «Таск».

- Какая долина?

- Ну вот пишет: разместить прибывших в долине. - Мирт поднесла лист ближе, потом отвела подальше. - Долина под Мальей. Тут и название есть, только я его первый раз вижу, оно старое.

Сань взял лист и прочитал сам с самого начала и два раза вернулся к середине, чтобы не пропустить чего. Разместить, обеспечить, доложить к сроку. Шесть пунктов, и Таска нет ни в одном.

- А Таск?

- А Таск вот. - Мирт открыла третью папку там, где заложила пальцем. - Год третий. «О переводе поселенцев в Таск под нужды сельского хозяйства». И подпись, и число.

- То есть их перевели через три года.

Библиотекарь разгладила страницу ладонью.

- Ну а что тут такого-то? Перевели и перевели, тогда всё двигали туда-сюда... Слушай, ты в дом культуры вхож? У меня стеллаж у двери шатается, я с весны прошу, а всё некогда им.

- Не вхож.

- Ну и ладно. - Она вернулась к папке. - Может, в долине земля плохая была или воды не хватило. У меня тут в позапрошлом году всё перекладывали, мужчина приезжал из Мальи, две декады сидел. Или не в позапрошлом. А как уехал, я потом полгода ничего найти не могла.

- Только камень у нас на площади врёт, получается.

- Получается. Ишь ты!

Мирт хмыкнула, закрыла папку и полезла поправлять что-то на нижней полке. В зале два раза скрипнула лесенка. Сань остался у стола. Спереди в папке был подшит лист использования: «дата выдачи», «кому», «подпись». Он провёл пальцем сверху вниз.

- Мирт.

- А?

- Тут пусто. Ни одной записи.

Она наклонилась над столом, не разгибаясь до конца.

- Ну да. А кто её будет брать? Это ж совет, третий год, кому оно надо. У меня половина архива так лежит.

- Совсем никто?

- Совсем. - Библиотекарь пожала плечами. - Школьники ходят, но им дают хрестоматию, там всё пересказано. А сюда заходят раз в сто лет, и то за родословной.

- Пятьсот тридцать пять лет, и никто.

- Ну вот ты же пришёл.

Она достала карандаш, вписала дату и его фамилию и подвинула лист к нему.

- Распишись. Порядок есть порядок.

Сань расписался. От стойки Мирт позвали. Она крикнула «иду, иду» и ушла, а папки остались лежать раскрытыми. Сань завязал их сам.

По дороге домой голова была тяжёлая: за сутки он поспал часа четыре, теперь это сказывалось. У калитки сидел Гош. Ему было девяносто шесть, жил через дом и каждый день выходил посидеть на солнышке сам, пусть медленно, держась за забор, но сам. На коленях у него лежал сложенный вчетверо вестник.

- Сань!

- Здравствуйте, Гош!

- Ты откуда идёшь? Обычно ж на машине колесишь.

- Оставил. Пешком захотелось прогуляться.

- Пешком. - Гош стал разворачивать газету, потом бросил и положил обратно. - Правильно. Отец твой много ходил пешком, я помню. Он с работы придёт и ещё до реки сходит и обратно. Я ему говорю: ты дурак, что ли, силы девать некуда? А он: я так думаю для самочувствия лучше.

- Он мне тоже так говорил.

- Ну а я что. - Гош помолчал, глядя мимо. - Хорошие были люди, Сань. Оба. Мать твою мне зимой суп носила, я не просил, она сама. Я ей говорю: не носи, всё у меня есть. А она поставит на кухне и уйдёт.

За спиной у Гоша в глубине двора капало в лейку.

- Я тут один остался на всю улицу, кто их помнит. Из моих-то никого. Брат был, так сторел, а больше и не было никого. Вот и сижу.

- Вы заходите, если что.

- Это ты заходи. Мне до тебя идти пятьдесят шагов, я столько полдня идти буду. - Он засмеялся коротко и сухо и показал газетой на двор. - Слушай, а глянь мне бочку. Кран подтекает, а у меня силы уже не те.

- Гляну, конечно.

- Ты только не суетись сейчас. Как время будет, приходи.

Сань пошёл к себе. Дома он поел стоя, не разогревая, потом вышел во двор и достал листок из-за козырька. Он прочитал те три строчки ещё раз, хотя помнил наизусть. Донорства у людей нет. Не «мало», не «редко» - нет вообще и не было никогда. Переливаний три за год на всю страну. Кровь может храниться сорок два дня, а дальше списание.

Значит, человеческую кровь в больницу не возят и оттуда не берут. Значит, то объяснение, под которое он тогда почти заснул, ничего не стоит. Он перевернул листок и на чистой стороне записал: дату, слово «донорство», прочерк и три цифры - три переливания, сорок два дня, тридцать лет работы у той, что объясняла. Потом подумал и приписал внизу: «высадка - долина под Мальей, год 3».

Две записи на одной бумажке смотрелись глупо. Одна про кровь, другая про камень на площади, который врёт пятьсот тридцать пять лет и никому не мешает.

Вдому он решил пока не говорить. Тот бы обрадовался и к вечеру объяснил бы ему, что всё это значит через очередную теорию заговора. Листок оставил на столе и лёг. Он лежал и повторял про себя то, что слышал в переулке, и с каждым разом это звучало мрачнее. Раньше у него было объяснение и один непонятный момент. Теперь все посыпалось.

Двое стояли у его забора в четвёртом часу и говорили, что берут только с людей. Что ждут давно и злятся. Что всё держится на том, что кто-то должен умереть.

Он повернулся на бок и закрыл глаза.

Если у людей кровь не берут вообще, о какой крови они говорили?

Глава 3

21 день. 29.

Кооператив за мостом Сань не любил. Там грузили сами, лезли в кузов в чём были, ставили фляги как придётся, и он всё время стоял у борта и смотрел, чтобы не поставили в три ряда.

Ворота открыли раньше, чем он подъехал. По доске уже катили первую флягу, доска прогибалась, флягу придерживали с двух сторон.

- Здоров, молочный!

- Здоров.

Младший Пранов был в резиновых сапогах на босу ногу. Он завёл флягу в кузов, поставил её к передней стенке и вытер ладонь о штанину.

- Ты через мост ехал?

- Да, как обычно.

- А проехал как, свободно? У нас с ночи твердят, будто его до конца декады закрыли.

- Свободно. - Сань показал подбородком на створки. - Вторым рядом ставь. Первый набит.

- Вот люди. Один сказал, все повторили.

- Верхнюю дорогу ремонтируют. Не мост.

- Ну!

Его позвали к весам. Он застегнул куртку не на ту пуговицу и ушёл, а на доску вместо него встал длинный парень, которого Сань не знал по имени.

Грузили медленно. Каждый по дороге останавливался поговорить: сначала мост, потом собака Мосовых, которая опять повадилась к их курам, потом мужик из Мальи - приезжал смотреть силосную яму, обещал вернуться с бумагой, и с тех пор его никто не видел. Сань считал. Двадцать две фляги, восемьсот восемьдесят литров, с Юниными сорока выходило две тысячи четыреста восемьдесят. Вышел он от них на четверть часа позже обычного и в путевом написал время как есть. Термометр у передней стенки показывал четыре и одну.

Пранов вернулся, когда уже закрывали.

- Мы, между прочим, надстраиваться будем, - с гордым видом объявил он.

- Слышал.

- От кого это?

- От Тэма.

- А. Ну да, от кого ж ещё. - Пранов подёргал створку, проверяя. - Брёвна брат обещал с зимы. А как право вытянули, так у него брёвна и кончились. Я ему говорю: у тебя не брёвна кончились, а совесть. Он говорит: приезжай, смотри. Я поехал за сорок километров - реально нет.

- И что?

- И ничего. Поживём пока внизу, а брёвна найдутся. Не у брата, так на пилораме, только там очередь.

Сань пропустил проволоку через проушины, скрутил, обжал и посмотрел номер. Ноль четыреста семнадцать. Вписал в накладную, вписал в путевой, накладную вернул.

- Слушай. - Он не поднял головы от бумаги. - Ты где родился?

- Тут. А что?

- А где люди первый раз сели, знаешь?

- Так на площади. Где камень. - Пранов засмеялся и хлопнул ладонью по борту. - Ты чего, Сань? Тебе показать? Я провожу.

- Не надо.

- Мне отец рассказывал, туда раньше венки носили в годовщину, а потом перестали. Не знаю почему. Может, надоело. Я, честно сказать, и годовщину-то не помню, какого она числа. Он пошёл закрывать ворота, и Сань полез в кабину.

Двадцать два километра до пункта Сань проехал на шестидесяти и в четверть седьмого сдал задом к приёмной с одного захода.

Тог вышел из-под навеса и на воздухе распрямился во весь рост. У стойки в бачке с тёплой водой стоял стеклянный цилиндр, налитый на три четверти.

- Погоди открывать, у меня проба греется.

Он вынул цилиндр из бачка, поставил на стойку и опустил в молоко лактоденсиметр, придерживая его за верх стержня, пока тот не встал сам.

- Пусть постоит. Это ещё с прошлой машины: мужик с шести ждёт и думает, что я нарочно его задерживаю. У него вчера вышла плотность тридцать два, а позавчера тридцать три. Я ему говорю: плотность не я тебе делаю, а коровы. Пломба?

- Ноль четыреста семнадцать.

Тог перебрал проволоку пальцами, сверил номер с накладной и расписался в двух местах, придерживая лист мизинцем.

- Четыре и одна на загрузке, - сказал Сань. - Сейчас четыре и пять.

- Вижу. - Он поставил цилиндр на стойку и открыл журнал там, где лежала закладка из спички. - Ты один такой на весь пункт. Остальные ждут, пока спрошу, а половина ещё и лезет со мной в кузов смотреть, будто я им на слово не поверю.

Сань открыл створки. К борту встали те же трое: ильд снимал по две фляги разом и нёс к весам, двое людей катили по одной. Молоко пошло в приёмку. Сань встал так, чтобы видеть шкалу, и складывал в уме за каждой флягой. Стрелка колебалась от сорока и девяти десятых до сорока и одного с небольшим. Одна фляга не дотянула.

- Вот эта, - Сань показал на флягу, которую как раз снимали. - Из кооперативных.

Тог подошёл, посмотрел на стрелку и записал флягу в отдельную строку.

- Сорок и восемь. Ну да, у них там на глаз льют. - Он дописал и не разогнулся, потому что до стойки ему всё равно было наклоняться. - У меня за декаду таких набирается штук восемь, и каждую я пишу отдельно, а в конце свожу и сдаю. Раз в год приезжают и спрашивают: почему у вас по одному хозяйству недовес? Я говорю: приезжайте туда в пять утра и постоит у доски. Ну им, конечно, не до того.

Он махнул было рукой, но вдруг задумался и медленно выпрямился во весь рост.

- Приход падает у всех, а план на приёмку мне никто не двигал. Я в Малью написал: корма в этом году хуже, коровы дают меньше, проверьте по хозяйствам, вы же с орбиты каждый мешок считаете. Мне ответили одной строчкой: привести данные в соответствие.

- И как ты можешь на это повлиять? - На этом месте Сань подумал, что его работа не такая уж плоха, но вслух, разумеется, не сказал.

- Никак. Пишу объяснение и сдаю вместе со сводкой. Читают их там или нет, я не знаю: мне за три декады ни разу не ответили.

От ворот посигналили: заезжала следующая машина. Тог пошёл под навес, пригибаясь на последних двух шагах.

Домой Сань вернулся в десятом часу. Поставил машину носом на улицу. На обед разогрел вчерашнюю фасоль с мясом. Ел сидя и не спеша, думая о словах Тоба про корма. Потом сполоснул тарелку и лёг на дневной сон.

Минут пять покрутился и резко сел на кровати. Он обещал посмотреть кран у Гоша ещё в прошлую декаду. Калитка у того была отворена. Во дворе все также капало в бочку.

- Гош! День добрый!

Стул у крыльца стоял пустой. На нём лежала подушка, придавленная камнем от ветра, хотя с самого утра погода стояла тихая. Дверь в дом была прикрыта. Замков тут никто не держал. Сань вытер ноги о ребристый резиновый коврик и вошёл.

В кухне пахло хлебом и керосином. Гош сидел на табурете у стола боком, привалившись плечом и головой к стене. Одна рука лежала на колене, вторая свисала. На столе стояла кружка, накрытая куском бумаги, рядом вестник, сложенный вчетверо.

- Гош. - Прошептал Сань севшим голосом.

Он постоял в двух шагах, потом подошёл и взял его за руку выше кисти. Окоченевшая она, казалось, обожгла его холодом. Он резко отстранился, зачем-то поправил на кружке листок, переставил кружку на середину стола и вышел на крыльцо. Там Сань опустил голову, закрыв лицо руками. Сосредоточиться. Кап-кап-кап! Он посмотрел на часы. Двадцать минут одиннадцатого.

Номера диспетчера Сань не помнил. Его печатали в вестнике на последней странице внизу в рамке вместе с расписанием автобуса до Малы и часами работы управы. Сань вернулся в дом, взял со стола вестник и развернул.

Сложен он был вчетверо, предпоследней страницей наружу. Четыре имени сверху вниз, у каждого возраст, три строчки о жизни и дата кремации. Дан с нижней улицы, семьдесят четыре, всю жизнь на элеваторе. Сань знал его в лицо: сухой, все время в кепке, ходил мимо молочной и всегда по той стороне. Ниже шли рождения за неделю, по строке на каждого: имя, родители, улица. Против двоих стояла пометка о праве на третьего.

Он развернул до конца и перевернул лист. Номер был где обычно. Сань прочитал его два раза, сложил вестник как было и положил обратно.

Дома он снял трубку. Лампочка в коридоре моргнула. На третьей цифре Сань сбился, положил трубку, выдохнул, поднял и набрал заново.

- Крематорий, диспетчер.

- Здравствуйте. У меня сосед умер.

- Минуту.

В трубке отодвинули что-то тяжёлое и зашуршали бумагой.

- Так. Улица и номер дома.

Сань назвал улицу, номер.

- Записала. - Она проговорила вслух для проверки. - Человек, ильд?

- Человек.

- Имя и возраст.

- Ревн. Гош Ревн. Девяносто шесть.

Где-то у неё в комнате зазвонил второй телефон, прозвонил раз восемь и затих.

- Полных девяносто шесть?

- Полных. В прошлую зиму отмечал, я к нему заходил.

- Родня у него есть?

- Никого.

- Ставлю прочерк. - Карандаш у неё скрипнул и остановился. - Вы ему кто?

- Сосед.

- Фамилия ваша, по буквам и не торопясь.

Сань продиктовал. Она повторила за ним по слогам и переспросила одну букву дважды.

- Во сколько обнаружили?

- В двадцать минут одиннадцатого.

- Сейчас тридцать четыре. - Где-то у неё стукнула печать. - Он у вас лежит или сидит?

- Сидит. На табурете у стола.

- Так и оставьте. Не поднимайте, не перекладывайте, не накрывайте. Бригаде надо увидеть все, как было.

- Понял.

- И вот ещё, соседей в дом не пускайте. Ни одного, ни на минуту. Я это всем говорю, и всё равно через раз бригада приезжает, а там уже полкухни народу, посуда перемыта, окна настежь и кто-то печку затопил, чтобы, значит, не пахло. Потом у нас патологоанатом пишет запросы с уточнениями, а отвечать мне.

- Я от себя звоню. У него телефона нет.

- Тогда возвращайтесь и ждите во дворе. В дом без бригады не заходите.

Она отвела в сторону трубку и заговорила в сторону, не понижая голоса:

- Лан! Человек, девяносто шесть, сидячий, у колонки. Ровина забери, он во дворе курит.

Потом проговорила уже Саню.

- Выехали. Ждите на месте.

Трубку она положила первой. Сань вернулся, убрал камень с подушки на стуле и сел ждать.

Бочка стояла в трёх шагах у стены сарая под водостоком. Латунный кран был врезан на ладонь от ее дна. Из-под гайки помаленьку сочилась вода и капала в лейку. Запах от сада за сараем к этому часу стал гуще, чем с утра. Сань посчитал: двадцать капель в минуту. Сколько выходит за сутки, считать не стал. Гош носил воду ведрами от колонки на углу и на пятьдесят шагов тратил полдня.

Фургон он не услышал. Увидел его через забор уже стоящим напротив калитки: серый, с высокой крышей и двойными задними дверями. Вышли трое. Водитель отошёл к канаве и закурил. Двое пошли к калитке: впереди ильд в тёмной куртке, с планшетом под мышкой, за ним человек помоложе с плоским железным ящиком на ручке как у слесарей.

- Заявитель вы?

- Я.

- Учётчик Лан. Это Ровин. - Ильд не остановился и руки не подал. - Где он?

- В кухне. Сидит.

Лан наклонил голову в калитке, потом ещё раз в дверях, а в кухне пригнулся совсем: потолок там был низковат даже для человека. Он обошёл стол, посмотрел на Гоша сверху, потом присел на корточки. Ровин поставил ящик у порога.

- Я кружку двигал, - сказал Сань. - Она бумагой была накрыта, я листок поправил, а кружку переставил на середину.

- Ничего. - Лан положил планшет на колено и вынул карандаш из-под зажима. - Ещё что-нибудь?

- За руку брал. Выше кисти.

- Ну это как всегда у вас...

Он писал быстро и на бумагу смотрел, только когда доходил до конца строки.

- Гражданская книжка где лежит?

- Не знаю.

- Ровин. Комод, верхний ящик, потом под бельём.

Молодой ушёл в комнату.

- Когда вы его видели живым?

- В прошлую декаду. Днём, у калитки.

- И?

- Разговаривали. Про родителей моих, он их помнил.

- На что-нибудь по здоровью жаловался?

- На ноги. Говорил, до меня пятьдесят шагов, а идти полдня.

- Да, это возрастное уже. - Карандаш пошёл дальше. - Ел он при вас, пил?

- Нет. Сидел и всё.

Ровин вернулся с книжкой и с картонной папкой на завязках.

- Вот книжка. И там ещё папка лежала, я на всякий случай прихватил, вдруг там...

- Папку на место.

- Так я думал, там квитанции могут быть или...

- Ровин. Туда, где взял, и завязки как были.

Молодой унёс папку и вернулся. Встал у притолоки, сложил руки за спиной и больше ничего не говорил. Железный ящик так и стоял у порога.

У забора остановилась Мосова с пустым ведром.

- Ой. Это что, Гош?

- Гош. - Сань кивнул, глядя в сторону.

- Ой, батюшки мои. - Она опустила ведро на землю. - Да я ж его вчера утром видела!

Иду к колонке, а он сидит уже. Я говорю: рано вы сегодня. А он мне: для меня самое время. Слово в слово так и сказал.

Она посмотрела на фургон.

- Двухчасовые, значит, приехали.

Лан, видно, услышал, вышел на крыльцо, пригнулся в дверях и повернулся к ней.

- В котором часу вчера?

- Так с утра же. Полшестого, может, в шесть. Я раньше хожу, потому что потом там очередь стоит, и все с флягами, а я с ведром, мне же неудобно...

- Полшестого. Имя ваше и фамилию.

Она стала диктовать по буквам, как в управе.

- А вскрывать его будете?

- Конечно, будем. - Он нахмурился.

- Так ему девяносто шесть! - Мосова взялась за шпакетину обеими руками. - Чего там вскрывать-то? Он сидел, сидел и помер. Вот и всё вскрытие. У меня мать в восемьдесят девять точно так же...

- Вскрытие обязательное. При любом возрасте и при любой причине, хоть человек, хоть наш. - Лан дописывал строку и на неё не смотрел. - Меня спрашивают об этом на каждом втором адресе, и я каждый раз отвечаю. Порядок один для всех. Кому не нравится, пишете в управу.

- Да я разве против.

- Вот и хорошо.

Мосова помолчала секунд десять и спохватилась.

- А дом теперь чей будет?

- Управа определит.

- Так там огород. Там лук стоит, он его в прошлую декаду окучивал, я сама видела: вынесет табуретку, сядет, немножко поокучивает, посидит, и опять. Полдня возился. Пропадёт же всё.

- Управа определит.

- Ну да, ну да.

Она постояла ещё, глядя не на дом, а в сторону грядок, потом подняла ведро и пошла, оглядываясь через шаг.

Ровин проводил её глазами и посмотрел на машину Саня за забором.

- Ваш рефрижератор?

- Мой. - Рассеянно пробормотал Сань.

- Молочный же?

- А что, это так заметно? - Задумчивость начала сменяться раздражением, но нужно было держать себя в руках.

- Так у вас створки в резине по всему обводу, а у мясников снизу отбойник и цепи. У меня двоюродный на таком же ходит, только рыбу в Малью возит. Он говорит, ее возить хуже, потому что запашок он нее тот еще, а молоко не пахнет особо.

Он поправил ремень и кивнул на кабину.

- Компрессор какой стоит?

- Штатный.

- Шумит?

- Не очень.

- А у двоюродного гудит так, что он в кабине радио на всю громкость выкручивает и всё равно толку мало. - Ровин тронул железный ящик носком ботинка, не поднимая его. - Я четвертый месяц работаю. У меня в первый раз, когда приехали, руки... - Он не договорил и посмотрел на калитку. - Ну ничего. Привык уже.

Пока он говорил, во дворе не было слышно, как капает в лейку.

Лан дописал все, что надо, и поднял голову.

- Носилки.

Ровин сходил к фургону и принёс. Гоша сняли с табурета вдвоём, а нёс потом один Лан, взяв носилки за оба конца перед собой, молодой шёл сбоку и придерживал их, чтобы в дверях не задеть косяк. Гош казался очень маленьким. Носилки задвинули в фургон и закрыли дверцы. Водитель загасил окурок о подошву, достал из-под сиденья стеклянную банку с крышкой и бросил окурок.

Лан вернулся к крыльцу, снял с планшета верхний лист и подложил под него копирку.

- Распишитесь, заявитель.

Планшет он поставил на перила, но для Саня всё равно было высоковато. Он расписался, привстав.

- Второй экземпляр ваш. Держите до похорон, потом можно выбросить. - Лан оторвал копию по линии сгиба и подал её двумя пальцами. - Завтра в восемь. Приедете - стойте у ворот, вас позовут. Родни нет, так что из посторонних вы один и будете.

- А сегодня нельзя? - Саню стыдно было самому себе признаться, что охота поскорее отделаться от этой истории.

- Сегодня не выйдет. Людей кремируют наутро.

- Почему?

- Потому что человека вскрывают дольше, а специалист на смене один на всех. - Лан забрал планшет и сунул карандаш под зажим. - Он и так до ночи работает.

Двухчасовой пошёл к машине, пригнувшись перед калиткой, хотя она была ему по грудь. Фургон отъехал беззвучно. Слышно было только, как проседает щёбенка под колёсами.

Сань сложил лист вчетверо и убрал в нагрудный карман. Потом сходил в сарай. Ключи висели на гвозде у самой двери в ряд от большого к малому. Он снял третий, вернулся к бочке, подставил ладонь под кран и подтянул сальник на четверть оборота. Капать перестало.

Он открыл кран и повернул обратно, чтобы проверить. Все было в порядке. Ключ Сань повесил на тот же гвоздь, дверь сарая прикрыл, дверь дома тоже прикрыл, а подушку с камнем занёс в сени.

Дома он лёг и проспал часа два, тяжело и без снов, а проснулся с чувством будто проспал смену. Дверь хлопнула в седьмом часу, и Вдим заговорил ещё из коридора:

- Слушай, я сегодня у Ласовых был, насос им перебирал, и они мне такое рассказали, ты не...

- Гош умер.

Вдим остановился в дверях кухни. Сумку с инструментом он опустил на пол у косяка.

- Который?

- Который через дом. У калитки сидел всегда.

- А. Ну да. - Вдим взялся за ручку холодильника и замер. - Старый совсем был?
- Девяносто шесть как-никак, - Сань будто пытался убедить себя в нормальности происшедшего.

- Ну. Тогда это как бы... - Вдим всё-таки открыл дверцу, вытащил две тёмных и одну поставил перед Санем. Компрессор загудел. - Тогда это не то чтобы новость, да?

Сань подвинул ему открывалку. Вдим её взял, открыл обе и сел на край стула.

- Я его толком и не знал. Здравовался только. - Он отпил и поставил бутылку. - Он на меня один раз орал через забор часа полтора. Я Мосовым антенну ставил, залез на конёк, а ему, видишь ли, свет загородил. Я даже слезать не стал: сижу, кабель тяну, а он снизу разоряется, что молодёжь лезет куда и когда не просят. А потом взял да и воды вынес, прикинь!? Холодной, в эмалированной кружке такой красивой с ирисами. Я ее до сих пор помню лучше, чем его самого.

- Он моих помнил.

Саню стало мутрно и пусто от того, что ниточка, связывающая его с родителями, человек, с которым можно было о них поговорить, оборвалась.

- В смысле?

- Мать ему зимой суп носила, он не просил, просто она считала это правильным. Отца помнил, как тот пешком с работы ходил. - Сань покрутил бутылку и не отпил. - Он про них говорил, а больше вспомнить и некому.

Компрессор стих. Вдим не нашёл, что ответить, и полез в карман. Вынул крыльчатку от насоса, чёрную, с обломанной лопастью, и поставил её на стол ребром.

- Вот. Из-за неё у Ласовых вода не шла.

- Что это?

- Крыльчатка. Ей лет двадцать. - Он крутанул её пальцем, она было закрутилась и упала.
- А Ласов две декады доказывал жене, что дело в проводке. Меня три раза вызывал смотреть. Я ему говорю: у тебя насос гудит - значит, ток идёт, значит, проводка ни при чём. А он: ты посмотри хорошо, ты ж электрик или кто.

- И что, пришлось смотреть?

- Ага. А вообще работы там минут на двадцать, если сразу дать посмотреть насос. - Вдим захохотал и сразу осёкся. - Извини.

- Да ничего.

Вдим встал, принёс от холодильника ещё две темного и по дороге отодвинул сумку носком, чтобы не мешалась.

- Слушай, а с огородом-то у него что будет? - Вдим поднял крыльчатку и стал катать её на ребре. - Там лук стоит.

- Управа определит.

- Управа определит. - Он повторил это Саниным голосом и качнул головой. - Управа приедет через декаду, а лук за декаду в стрелку уйдёт. Хочешь, я завтра приду и выкопаю? Не себе. Мосовой отдам, у неё дети малые.

- Не надо.

- Почему не надо?

- Потому что не наше.

- И ничьё.

Сань не ответил.

- Ладно. - Вдим отставил крыльчатку. - Я тебе лучше вот что скажу. Еду вчера от Ласовых мимо космодрома, а за дальним забором стоит корабль. Не спутник на подвеске, какие я там двадцать лет вижу. Корабль, Сань. С элеватор высотой, обшивка серая, кругом леса в четыре яруса, и на них народу тьма. Я съехал на обочину и стоял полчаса.

- И что это?

- Кай говорит, колонейский. В соседнюю систему ходит и возит людей. Ну, ильдов, неважно - живых. Отвёз, привёз, встал на обслуживание, через год опять.

- И что?

- Как это - и что? - Вдим поставил локти на стол. - Он может запросто брать экипаж и безопасно перевозить. Значит, всё дело в том, чтобы залить побольше топлива и чтобы кто-то один сказал: поехали к Земле.

- До Земли втрое дальше. Но это еще не все. Добавкой топлива не отделаешься, наверняка есть еще что-то.

- Так что, например? Ты же шофер, вот и скажи мне, что машине надо, чтоб дальше пролететь, кроме топлива!

- Не знаю. - Сань пожал плечами. - Знаю только, что если бы горючки не хватало, за пятьсот тридцать пять лет кто-нибудь бы уже сделал.

- Вот! - Вдим хлопнул ладонью по столу, и крыльчатка подпрыгнула. - Вот это твоё «кто-нибудь бы уже» я от тебя третий год слышу. Кто-нибудь бы уже слетал. Кто-нибудь бы уже спросил. Кто-нибудь бы уже заметил и разобрался. А я оглядываюсь - нет никакого «кто-нибудь», Сань. Никого нет. А ты вечно этим прикрываешься, как щитом, и спишь себе спокойно.

Сань посмотрел в окно во двор, где стояла машина.

- Молчишь. - пробормотал Вдим без всякой радости, что Саню нечего ответить.

- Устал я сегодня.

- Ага. - Вдим посмотрел на него. - Ты чего смурной-то? Из-за старика?

- Из-за старика.

- Понятно.

Сань подумал, что если бы Вдим сейчас ушёл, было бы лучше, и тут же передумал.

- Завтра в восемь его сожгут, - сказал он. - Я поеду.

- Один, что ли?

- Родни нет. Кроме меня некому.

- Ну и я тогда. - Вдим подумал. - Хотя чего я там... Я его и не знал толком. Ладно, приду.

У ворот встану.

- У тебя завтра дальние фермы.

- Успею. Выеду засветло, и всё.

Он подобрал крыльчатку и убрал в карман.

- Слушай, а лампочка у тебя в коридоре всё моргает.

- Сам же видел.

- Я тебе принесу. У меня их целая коробка лежит, штук двадцать, я всё забываю.

Вдим встал, поднял с пола сумку с инструментом и повесил её на плечо. Уже со двора крикнул, чтоб Сань завтра ждал его у ворот и без него не заходил.

Сань убрал со стола, вымыл обе бутылки и достал из кармана сложенный лист.

Копия была лиловая и местами бледная, там, где копирка плохо легла. Сверху - «АКТ УЧЁТНОЙ ЗАПИСИ СМЕРТИ», номер бланка, число. Дальше графы, заполненные быстрым мелким почерком. Сань просмотрел их сверху вниз.

Время получения сообщения - 10:34. Время прибытия бригады - 10:57. Двадцать три минуты.

Умерший: Ревн Гош. Вид - человек. Возраст - 96. Обнаружен в 10:20, соседом. Заявитель - и дальше его собственная фамилия, улица. Родственники - прочерк. Свидетель - Мосова, с адресом и показанием: видела живым накануне, около половины шестого утра. Предварительная причина - «естественная, подлежит установлению при вскрытии». Вскрытие - да. Кремация - 08:00 следующих суток.

Внизу стояли две подписи, обе неразборчивые, и под ними печатными буквами: учётчик Лан, учётчик Ровин.

Всё сходилось. Человека нашли, записали, увезли, утром сожгут, через неделю напечатают три строки на предпоследней странице вестника, а насчет лука решит управа.

Под подписями шла последняя строчка, набранная мелким типографским шрифтом, одинаковая, видмо, на всех бланках:

«Изъятие и утилизация биоматериала производятся по действующему нормативу».

Норматив - это расчеты. На температуру в кузове есть норматив. На мойку тоже. У Тога тоже свои цифры, и он в них третью декаду не укладывается и пишет объяснения. Каждое такое число кто-то однажды посчитал и записал.

Сань вышел во двор, открыл кабину и убрал акт за козырёк, к путевым. Листок с первыми тремя строчками лежал там же.

И что в этом нормативе сказано про людей?

Глава 4

32 день. 28.

Ворота крематория открыли без четверти восемь. Сань приехал прямо с пункта и, пока ждал, открыл створки: кузов после сдачи стоял пустой, и его надо было проветрить. Вдвигаясь на велосипеде, прислонил его к столбу и подошёл.

- Давно стоишь?

- С полчасика.

- А я думал, опоздаю. Цепь слетела у самого моста. - Он показал ладони, грязные от смазки, и сунул обратно в карманы. - Накинул, проехал полкилометра, она опять. Растянулась, надо колесо отодвигать, а ключа с собой нет. Я так до самого поворота и ехал: слетит - накину, слетит - накину.

У ворот ждали ещё три компании. Одна большая, человек десять, с женщиной в середине, которую держали под руки с двух сторон. Две маленькие, по двое. Все стояли поодаль друг от друга и здоровались кивком. Во дворе за воротами мыли фургон. Из-за шума воды почти не было слышно, о чём говорят у ворот.

Ближний к ним мужчина в пиджаке не по погоде переступил с ноги на ногу и подошел.

- Вы с восьмью?

- С восьмью.

- И мы с восьмью. Их тут в одно время всех ставят, а заходят по одному. - Он посмотрел на ворота, потом на свои ботинки. - Мать вчера в девять умерла. Я спрашиваю: а сегодня никак? Мне говорят: никак, завтра в восемь. Вот и ждали сутки.

- Мне то же самое.

- Ну вот. - Мужчина обрадовался, что не ему одному. - Я думал, это нам так выпало. Тётка моя всю ночь у неё просидела, я её увёл только под утро, и то еле.

Он ещё что-то говорил про тётку, потом про автобус, который так рано не ходит, а от них ехать сорок минут. Стал не к месту оправдываться насчет пиджака, мол, надевал его последний раз на свадьбу, поэтому и тесноват стал в плечах. Замолчал он, только когда открыли ворота.

Вышла женщина в халате с конторской книгой, к которой на шнурке был привязан карандаш. Она открыла книгу на согнутом углу и стала вызывать.

- Сатовы!

Большая компания двинулась. Женщину под руки повели первой, и в воротах пришлось перестраиваться по двое.

- Ревн!

Никто не пошёл. Она подняла голову и повторила громче.

- Ревн!

- Это я. - Сань шагнул вперёд. - То есть не я. Я заявитель.

- Копия с собой?

Он достал сложенный лиловый лист из нагрудного кармана. Она развернула его, не вынимая карандаш из-под шнурка, глянула сверху вниз и отдала обратно.

- Идёмте. Только заявитель.

Вдвигаясь остался у столба с велосипедом.

В коридоре было прохладно и тянуло сыростью от мокрого бетона. Он шёл вдоль стены, в середине была дверь во двор, открытая настежь: там стояли два фургона, тот же серый и ещё один. Дальше в торце виднелись ворота бокса, тоже открытые с резиновой лентой поперёк проёма. Шланг тянулся через весь двор от крана к фургону и лежал на мокром бетоне.

Комната была маленькая, ничего не изменилось за шесть лет. Два стула под ильдов и стол обычной высоты. На нем лежала такая же конторская книга, как та, с которой вызывали у ворот, только потолще.

- Вот тут и тут. - Распорядитель перевернула лист и придержала его ладонью. - Дата и подпись.

Сань расписался дважды.

Прощание будет? - ильд посмотрела на него в упор.

- Некому прощаться. Я один.

- Один так один, дело ваше. - Она посмотрела на дверь. - Бывает, ещё кого-нибудь ждут, опаздывают же вечно. Точно никого не ждем?

- Точно.

- Тогда всё. - Она закрыла книгу. - Вам вынести, хотите сами попрощаться?

- Нет.

Во дворе закрыли воду.

- Как хотите. - Распорядитель сунула карандаш под зажим на обложке. - Идите к воротам, вас выпустят.

Она ушла обратно тем же коридором, и через минуту снаружи было слышно, как она вызывает следующих.

Вдим стоял там же и придерживал велосипед за седло.

- Ну что?

- Всё. - Сань с облегчением выдохнул.

- Как всё?

- Расписался, и всё.

- А... - Вдим на секунду задумался. - Ну ладно.

Обратно они ехали порознь: Сань на машине, Вдим на велосипеде вдоль обочины, на повороте к мосту Сань обогнал его и посигналил. Друг махнул рукой, не оборачиваясь. Визит в крематорий занял меньше времени, чем дорога до него.

Дальше пошла обычная декада. Коровы вышли из запуска, и у Юны опять стало сорок одна фляга. Тэм за погрузку успевал рассказать, что слышал про ремонт дороги, про гостиницу и что у Прановых брёвна всё-таки нашлись, только не совсем подходящие. Мост так и не закрыли. Лампочка в коридоре моргала.

Дом Гоша стоял с прикрытой дверью, как Сань её и оставил. Управа не приезжала. На третий или четвёртый день Сань, проходя мимо, увидел, что лук окучен, а земля между рядами тёмная и рыхлая, и за сараем у бочки стояла чужая лейка, не Гошева.

Вестник пришёл в конце декады. Сань развернул его сразу на предпоследней странице. Гош стоял вторым сверху. Три строки: возраст, всю жизнь на пилораме, потом сторожем при школе, и дата кремации - та, в которую Сань стоял у ворот. Выше шёл ильд восьмидесяти четырёх лет, ниже ильд шестидесяти одного.

Сань положил вестник на стол, прижал линейкой по сгибу и оторвал страницу. Сложил вдвое и убрал в ящик стола, где лежали бумаги родителей. Остальное отнёс в сарай к старым газетам.

За два дня Верк выписал ему наряд на плановое обслуживание. Сань подъехал к самому окну конторки, чтобы не заходить внутрь, и нарядчик открыл створку и выложил лист на подоконник.

- Машину сдаёшь в Малье в рефрижераторный парк к семи утра. Заберёшь после четырёх.

- А молоко?

- Его заберет подменный. Юне я сам позвоню, чтоб не пугалась. - Он придавил лист пальцем, чтобы не сдуло, и перевернул. - Каждый год гоняем, ты не первый раз, но напомним.

Вот тут тебе поставят отметку. Без нее не возвращайся, будешь потом сам объяснять мастеру, где катался целый день.

- А если раньше отдадут?

- Такого еще ни разу не было. У них же там очередь с шести. - Верк уже смотрел мимо него, на того, кто подходил с пачкой. - Возьми с собой чего почитать.

Створку он закрыл сам.

Машину Сань сдал в Малье в семь и вышел за ворота парка. Город начинался сразу за оградой и шёл вверх. Дома были для ильдов в четыре и пять этажей, из-за этого улица казалась уже, чем была на самом деле. Вывески висели над головой на уровне второго; чтобы прочитать ближнюю, приходилось отходить к краю тротуара. Людей он за первый час встретил двоих: женщину с сумкой и мальчишку, который бежал и держал под мышкой какой-то сверток.

Ждать Сань не любил. В работе это было единственное, что его по-настоящему напрягало. Он дошёл до рынка, обошёл два ряда и повернул обратно. Торговали с прилавков, поставленных высоко, и продавцы клали товар на самый край, не глядя, кто внизу. У одного он взял лепёшку, съел на ходу и держал скорканную бумагу в кулаке, пока не нашел урну.

До музея дошёл в девятом часу. Кассирша сидела высоко, и Сань видел её по плечи. Она пододвинула билет к самому краю, чтобы ему было удобнее.

- Имейте в виду, верхний зал на ремонте.

- А нижние?

- Нижние работают. - Она подпёрла щеку. - Переселение направо, космос прямо. Вас куда надо?

- И туда и туда.

- Ну начните тогда с переселения, в космической программе сейчас школьная экскурсия, к десяти уйдут.

Зал переселения был длинный и тёмный по углам, все освещение было сосредоточено над витринами.

Обшивку космического корабля висела на кронштейнах у дальней стены. Кусок был метров пяти в высоту, серый, с рядами заклёпок и с длинной вмятиной понизу. Табличка объясняла, что это часть переходного отсека, снятая при разборке. Сань обошёл её сбоку. С изнанки, у самого края, там, где кронштейн держал лист, было процарапано восемь или девять кривых букв. Они были явно не заводские, и на табличке про них ничего не говорилось. Он постоял, потом отошёл и посмотрел ещё раз от стены. Отсюда царапин было не видно.

Витрины стояли под ильдов, и перед каждой была деревянная подставка в две ступени. Сань встал на подставку у третьей витрины. Ложка. Ботинок на шнуровке, левый, без пары. Очки в тонкой оправе с треснувшим стеклом. Гребень, у которого не хватало трёх зубьев подряд. Деревянная лошадка на колёсиках.

Школьники, видимо, раньше закончили в зале космической программы и перешли сюда. Стало шумно. Их было десятка два, все ильды, на голову выше Саня, они прошли мимо витрин, не останавливаясь, к обшивке.

- Мы с вами стоим перед единственной уцелевшей частью корабля, - начал экскурсовод. Он говорил свободно, не подглядывая в планшет, и явно повторял это не в первый раз. - Кораблей было четыре. Теперь смотрите сюда, на карту. Люди сели вот здесь, на месте нынешнего Таска. Оно было выбрано заранее по наблюдениям с орбиты: ровная местность, вода, хорошая почва. Первое время жили в кораблях, а как поставили первые дома, три корабля разобрали на металл. Четвёртый простоял дольше, от него у нас осталось вот это.

Кто-то сзади спросил, почему не разобрали и этот.

- Хороший вопрос. - Экскурсовод поднял палец и подержал его. - Потому что к тому времени уже понимали, что это ценный исторический памятник.

Спросили ещё, сколько людей было и все ли долетели.

- Две тысячи. Долетели все, это редкий случай для таких переходов, и в учебнике у вас об этом есть отдельный параграф. Теперь пойдёмте, я вам покажу первую зиму, там очень хорошие фотографии.

Он повёл их к карте и начал про первую зиму.

Зал космической программы был светлее и меньше. Посередине стояли макеты аппаратов на штативах, а по стенам под стеклом висели таблицы.

Та, что он искал, оказалась третьей от двери. «Расстояния и расчётное время в один конец». Строк было около двадцати, и половина шла с пометкой «расчётно».

Первая система, Ольт - семь лет один месяц. Четвёртая - семь лет четыре месяца. Дальше вниз шли системы, к которым ничего не отправляли, и время до них росло. Земля стояла последней строкой, отдельно, ниже черты. Двадцать один год три месяца.

Сань посчитал в уме. Семь лет один месяц - это восемьдесят пять месяцев. Двадцать один год три месяца - двести пятьдесят пять. Он разделил и получил ровно три. Не «примерно втрое», не «с лишним», а ровно, без остатка, как будто кто-то нарочно подгонял.

Он перевёл взгляд на стекло. Над строкой колонии оно было чистое, протёртое пальцами дочиста, и вокруг едва заметные разводы. Над нижней третью таблицы лежал тонкий слой пыли. Строку с Землёй никто не трогал.

Рядом в отдельной рамке висел лист с координатами. Три строки цифр со знаками, которых Сань не знал, и внизу пояснение, что данные приведены по каталогу такого-то года. Стекло тут было пыльное целиком.

Он прошёл вдоль остальной стены. На длинном стенде по годам шли все отправленные аппараты: год, система, назначение, чем кончилось. Стенд начинался у двери и уходил за угол. Последние две секции были уже не под стеклом, а просто на планках.

Сань прошёл его от начала до конца. Годы шли подряд без пропусков по два-три запуска почти в каждом; в одном году их было одиннадцать, и напротив стояла пометка про юбилей. В графе «чем кончилось» встречалось «связь утрачена», и таких было штук шесть за пятьсот лет.

Он вернулся к двери и прошёл стенд ещё раз медленнее. Земли там не было. Вдим говорил это третий год, и Сань объяснял, почему так и должно быть.

Смотрительница сидела у входа в зал на высоком стуле и вписывала что-то в тетрадь. Стул стоял криво, одна ножка не доставала до пола, и она время от времени переносила вес.

- Извините. А про Землю где?

- Так вы туда идёте. - Она показала карандашом в сторону первого зала. - Переселение, весь зал ей.

- Нет, я про полёты. К ней отправляли что-нибудь?

- Нет. - Смотрительница дописала строчку и перевернула страницу. - Тут у нас всё, что было за пятьсот лет. Если бы отправляли, отметили бы на стенде.

- Понятно.

- Вы из школы, что ли? Задание какое-нибудь готовите?

- Нет. Просто спросил.

- А. У нас бывают, приходят с тетрадками, им по программе надо. Один в прошлом году переписал всю таблицу до последней цифры и ушёл, а потом другая учительница звонила и спрашивала, откуда такие данные. Я говорю: с таблицы. Она говорит: а таблица откуда? Я говорю: женщина, я посетителей считаю, а не звёзды. - Она посмотрела на потолок. - У нас тут лампа третий месяц не горит, вон та, над макетами. Я и завхозу, и в управление писала. Приходил один, посмотрел, сказал - надо стремянку выше, у них такой нет.

- Обидно.

- Да это ладно. Дети же приходят. Сто они в таком полумраке увидят? - Она поправила стул под собой. - Вы билет-то куда дели? Его на выходе спрашивают.

Сань достал из кармана билет и показал, что, мол, с собой. Из первого зала повели школьников, она слезла со стула и пошла открывать им вторую створку двери, чтоб вся группа удобно прошла.

Машину отдали в двадцать минут пятого. В нижней графе стояли отметка и подпись, а сбоку от руки была приписка: задняя левая рессора заменена. Сань свернул наряд и убрал за козырёк.

Домой он попал уже под вечер. За забором у Гоша шумела вода: набирали лейку из бочки. Сань завёл машину во двор, развернул и пошёл в дом.

Вдим пришёл через полчаса, разулся в коридоре и прошёл на кухню.

- Слушай, я всё-таки принёс.

Он выложил на стол лампочку. Она покаталась по клеёнке и остановилась у солонки.

- Третью декаду собираюсь захватить с собой. Вот. Сейчас поменяю.

Он вышел в коридор, оттуда донесся скрип табурета и крик. Потом стало тихо.

- Сань. Иди сюда.

Он стоял на табурете и держал в каждой руке по лампочке.

- У тебя резьба другая. А эта на штырях с холодильных шкафов. Я её из ящика взял не глядя, у меня там всё вперемешку лежит.

- Ну ничего.

Вдим вкрутил старую обратно, слез и убрал свою в карман.

- Найду тебе такую же.

Он заглянул по привычке в холодильник, ничего оттуда не взял и сел к столу.

- Ты сегодня где был? Я в обед заезжал, смотрю - машины нет.

- В Малью на техобслуживание гонял.

- А. Целый день там торчал?

- С семи до четырёх.

Вдим подтянул к себе солонку, отвинтил крышку, посмотрел внутрь и завинтил обратно.

- И чего делал, пока ждал?

- Просто гулял.

- Ага. Девять часов? - Вдим отодвинулся вместе со стулом. - Сань, ты в Малье бываешь раз в год. Там рынок на три улицы. Мастера есть хорошие, которые тут же тебе по мелочи починить что-нибудь могут или проверить, те же часы. На набережной продают жареную рыбу, я тебе про неё говорил. А ты просто гулял?

- Ну я прошелся по рынку, лепешку купил. Мне особо ничего и не надо там.

- В музей хоть заходил?

- Нет.

Это было сказано коротко и ровно, так что Вдим поверил.

- Правильно, чего там делать. Я тебя один раз затащил и то потом два года слушал, как тебе скучно. - Он крутанул солонку и придержал её. - А я сегодня у Тарса был. Холодильный шкаф у него встал, третий по счёту за декаду, и он на меня же и злится: ты, говорит, в прошлый раз смотрел. Я говорю: в прошлый раз другой смотрел. Он: а этот чего не смотрел? Я говорю: а ты меня просил? И так полчаса.

- Починил?

- Починил, конечно. Реле залипло, он и не запускался. - Вдим отодвинул солонку. - Обратно еду, а у соседей его за балкой суета. Ну я притормозил, спросил. Старик у них помер, ильд, за девяносто уже, глухой такой был, я его помню. Я у него раз дорогу спрашивал, так он мне полчаса объяснял, как проехать к силосной яме.

- Когда помер?

- Так утром и помер. Я в обед подъехал, а его уже увезли. К вечеру, говорят, и сожгут. - Вдим потянулся за солонкой обратно. - Быстро они там.

За забором закрыли кран.

- Быстро, - сказал Сань.

- Ну. - Вдим не заметил паузы. - Я вот думаю, надо мне у Тарса всё разом перебрать, пока он не остыл. Он же как: пока припекло, на всё согласен, а через декаду начнёт торговаться.

Он поговорил ещё про Тарса. Слышал, что под гостиницу на трассе всё-таки роют котлован. Ушёл он рано, сказав, что завтра дальние, и надо выспаться хоть раз в декаду.

Сань закрыл за ним калитку и пошёл к машине. Акт лежал за козырьком, где он его и оставил, между путевыми и тем первым листком. Забрал обе бумаги и разложил на клеёнке.

Кремация - 08:00 следующих суток. Он знал это и без бумаги, сам там стоял.

Взял из ящика вырезанную страницу и развернул. Ильд восьмидесяти четырёх лет шёл выше Гоша, и дата кремации у него стояла, как у всех. А когда он умер, из трёх строк было не понятно. Дату смерти в некрологе не печатали.

Он положил страницу рядом с актом. Объяснение у него было. Лан сказал, стоя на крыльце и убирая карандаш под зажим: человека вскрывают дольше, а специалист на смене один на всех. У ворот в то утро стояли три компании, и ни в одной не было ильдов. Тогда он на это не обратил внимания.

Сань перевернул чистый путевой и разлиновал поле для отметок грузополучателя на два столбца. Слева написал: люди. Справа: ильды.

Под левым пошёл Гош. Умер в двадцать минут одиннадцатого, горел в восемь на следующие сутки - семнадцать часов сорок минут. Ниже он приписал мать того мужчины в пиджаке: умерла в девять утра, жгли назавтра в восемь, девятнадцать часов. Рядом с ней поставил прочерк, так как цифры с чужих слов.

Под правым была одна строка: старик за балкой. Утро и тот же вечер. Под правым была одна строка: старик за балкой. Утро и тот же вечер. Часов восемь, если верить тому, что Вдиму сказали на ферме.

Сань посмотрел на лист. Две строки слева, одна справа, и правая ничем не подтверждается. Такую сводку Верк вернул бы, не читая.

Если специалист по вскрытию один, и работы у него на всю ночь, значит, людей умирает столько, что он не успевает до восьми утра. Тогда всё сходится и говорить не о чем. А если людей умирает четверо в декаду, непонятно, чем этот один занят целую ночь и почему ильдов при этом успевают подготовить к вечеру.

Сань стал прикидывать, у кого спросить. В крематории нельзя: заявитель приезжает один раз и вопросов о штате не задаёт. В управе можно, но там сидят соседи Мосовой, и к вечеру о его странных вопросах будет знать весь посёлок. Написать в Малью - это на бланке, с фамилией и адресом, с указанием причин и обстоятельств. Короче, бюрократия.

Но ничто не мешает подсчитать. Умерших печатают раз в неделю по три строчки, с возрастом и указанием, человек это или ильд. Печь на район одна, вестник тоже.

Сколько человек умирает в Таске за год?

Глава 5

47 день. 27.

В тот вечер Сань дошёл до сарая, зажёл свет, постоял у косилки и вернулся в дом. Газеты в дальнем углу не стал трогать.

Только через полторы декады в пятницу решился и снял ящик с гвоздями, который стоял на стопке газет, и присел на корточки. Стопка была ему до колена. Верхние номера лежали ровно, нижние слежались и по краям пожелтели, а середина была разворочена. Оттуда удобнее всего вырвать несколько листов на растопку или другие нужды, и в двух местах из стопки торчали рваные углы.

Он перенёс всё в дом в три захода. Нижние пачки слиплись, которые номера пришлось потихоньку отдирать друг от друга. В доме от них сразу запахло сараем: смесь сырости, пыли плесени. Сань сморщил нос и открыл окно.

Он разложил их на полу у стола, так удобнее. Сел, скрестив ноги, и стал прикидывать. Газеты в тот угол складывала мать, а после ее смерти он продолжил, прошло шесть лет.

Первым делом Сань разобрал стопку по годам, глядя на число под заголовком, и выложил на полу шесть кучек. Самая ранняя была неполная с начала. В ней он и наткнулся на тот номер. Мать стояла третьей сверху, как и про всех, три строки: сколько лет, двадцать лет в школьной столовой, потом число. В имени была опечатка на одну букву.

Сань отложил этот номер на стол и досортировал остальное. Потом он пересчитал номера в каждой кучке. В четырёх оказалось ровно по сорок девять, в одной - тридцать один, и не подряд, а кусками: то двух не хватает, то сразу девяти.

Он посмотрел, где именно дыры, и понял, что это середина стопки, до которой удобнее всего дотягиваться. Выписал на листок, каких номеров нет, вышел столбец в восемнадцать строк, и листок убрал в тот же ящик. От бумаги на пальцах оставалась сухая пыль. Сань обтёр ладони одна об другую и взялся за карандаш.

Он считал вслух по одному номеру, ставя палочки на обороте старого путевого: слева люди, справа ильды. Некрологи стояли на предпоследней странице сверху, по три-четыре имени, и в каждом было написано, человек это или ильд. Сложил всех людей, сколько нашёл, и разделил на шесть. Вышло тридцать четыре с небольшим.

Потом посмотрел на дырявую кучку. В тех восемнадцати номерах, которых у него не было, тоже кто-то напечатан, и это нельзя сбрасывать со счетов.

Сань отложил этот год и нижний, у которого не было начала, и посчитал по четырём полным. Тридцать восемь человек и сто один ильд. Тридцать семь и девяносто семь. Сорок один и сто восемь. Тридцать восемь и девяносто девять.

По людям выходило тридцать восемь с половиной в год. Триста сорок пять на тридцать восемь с половиной - один человек в девять дней. Один человек в девять дней, и его держат ночь перед кремацией, потому что специалист один и занят?

Сань посмотрел на цифру. Специалист мог быть один на весь район и делать при этом не только вскрытия. Еще их могло быть шесть, а Лан сказал «один», имея в виду только свою смену. А могли при договоре переселения написать, что людей сжигать наутро, и с тех пор делать как принято. У него в путевом тоже есть графа, которую никто не заполняет лет давным-давно, а бланк печатают с ней.

Проверить это можно, только спросив. А как? Он собрал кучки обратно, кроме номера, отложенного на стол, отнёс в сарай и придавил ящиком с гвоздями.

Завтра был выходной, так что можно было обойтись без будильника. Его фермы по субботам брал Нил, а Сань подменял его по вторникам. Юна Нила не любила, потому что он сдавал задом в два приёма и дважды за семь лет задел косяк.

Мая перехватила Саня у колонки ещё днём и сказала, что если он не придёт и в этот раз, она будет караулить у него на крыльце, и черта с два он отвертится. У Саня уже два раза не получалось прийти. В третий раз это было бы слишком.

Дом у них с Таем стоял на верхней улице, с широкими воротами и навесом над двором, под которым Тай держал доски. Вешалка в сених прибита на такой высоте, что Сань свою куртку обычно клал на пуф у входа.

В кухне стояло два стола. Большой для хозяев и маленький в углу у окна, который Тай сколотил лет восемь назад, когда Сань пришёл к ним первый раз в гости и полвечера просидел, болтая ногами в полуметре от пола. За маленьким Саню было нормально, а Мая с Таем сидели, согнувшись.

На подоконнике тихо бормотал приёмник.

- Садись, садись. - Мая сняла с плиты кастрюлю с жарким и поставила на подставку, не глядя, потому что подставка всегда лежала на одном месте. - Тай, убери струбцину со стола.

Он переложил ее на подоконник и сел, вертя в руках деревяшку.

- Ножка от стула. - Тай повернул светлым концом к Саню. - Четвёртая. Три сделал, а эта не получилась.

- А что не так?

- Изгиб вот здесь не тот. - Он провёл по ножке большим пальцем сверху вниз. - Ладно, разберусь потом.

Мая поставила перед Санем миску, затем себе и Таю, пододвинула хлеб и сказала, что собираться надо почаше. Жаркое с грибами - ее коронное блюдо, такого вкусного Сань сколько не пытался, сам не мог приготовить.

- Григ обещал прийти, - сказала Мая. - Но не сможет.

- А что с ним?

- У него обмеры. Все уже засеяно, а площади до сих пор сводит с тем, что с орбиты видно, и каждую межу ходит и мерит сам. У Ласовых, представь, два дня проторчал. Два дня, Сань.

- Да там же перепады по высоте, и по конец под уклон идет, - сказал Тай, не поднимая головы. - Я видел.

- Все равно, столько времени тратить. Не факт, что эти данные кому-то помогут.

Приёмник на подоконнике доиграл песню, и пошел прогноз погоды. Мая встала, выключила его и приоткрыла окно.

- Про Тэма слышал?

- Про кого? - не расслышал Сань.

- Ну, Юнин который. Фляги у тебя таскает. - Она села, наконец. - Я стою на рынке с утра, народу немного. Юна же по средам сама торгует. А он её привёз, выгрузил творог, масло на прилавки и не уехал. Стоит, балаболит.

- Это он может.

- Сань, он полтора часа там пробыл. Я засекла. И за это время он рассказал все подряд. У Прановых брёвна не те, и они теперь не знают, как лучше надстраиваться. У Ласовых обмер, и Григ там уйму времени потерял, потому что Ласов с соседом не разговаривает с зимы, и они договориться не могут. У Мосовых собака ходит в чужой курятник, её уже два раза прогоняли и ругались. Кто в этом году подал на жребий и кто не подал. Что у одной женщины с нижней улицы корова третий раз не покрывается, и он при всех сказал, к чьему быку её водили и что бык этот давно негодный, весь посёлок знает.

- Ох, ну дает!

- Так та женщина, Рая, стояла через два прилавка.

Тай засмеялся первым.

- Она прям спокойно слушала?

- Ну а что поделать? Чего скандал устраивать? Стояла и вытирала себе прилавок, который и так чистый. Он её не видел, спиной стоял. - Мая собрала со стола крошки в ладонь. - Я потом подошла и говорю: Тэм, притормози. А он: а что, я плохого ничего не сказал. Тоже верно, он же не со зла.

- Ага. - Тай кивнул и убрал ножку на подоконник. - Просто у него кипятилок в одном месте не держится.

- Вот именно. Я на рынке стою, про всех всё знаю. Только знаю, где лучше промолчать, а он нет.

Сань доел и отодвинул миску. Мая тут же положила ему ещё, не спросив.

- А Рая так и не подошла к нему? - спросил он.

- Да нет, покраснела немного, чуть поторговала да уехала. У нее еще масла полкорзины оставалось. - Мая подумала. - Я вот сейчас говорю и понимаю, что сама сплетничаю.

Мая смутилась, и Тай сменил тему. Рассказывал, как ему заказали шкаф в простенок между дверью и окном. Он сразу сказал, что распашные дверцы там не пойдут: откроешь - упрутся в дверной косяк. Предложил раздвижные. Заказчик подумал и попросил всё-таки распашные, потому что раздвижные, говорит, заедают.

- И что?

- И делаю распашные.

- Так они же в косяк упрутся.

- Да и ладно. - Тай махнул рукой. - Он через год придёт и скажет: переделай на раздвижные. Я переделаю, мне-то что.

- Тебе-то что, - повторила Мая. - Он тебе за первый шкаф ещё не все отдал.

- Да куда он денется?

- Ты это зимой тоже говорил.

Тай доел и объяснил, что тогда речь шла про другого, а этот отдаст, потому что у него брат в управе, не станет он из-за пустяка подставляться. Мая ответила, что брат в управе - это как раз причина не отдавать. Спорили они минут пять, не повышая голоса, и Мая между делом успела убрать со стола.

Потом она спросила, не течёт ли у Саня крыша: дожди обещают, а у него над сенями с той стороны просело, она видела с улицы. Он ответил, что вроде не течёт. Мая на это сказала: пока.

- Тай посмотрит.

- Не надо.

Мая тронула Тая за плечо, чтоб отозвался.

- Посмотришь же?

- Да без проблем!

- Не надо, - повторил Сань. - Я сам залезу.

- Ну да, конечно. - Мая догнала из духовки противень и разрежала пирог. - Ты это уже про забор говорил.

Пирог было с клубникой. Сань поспешил и обжёгся. Мая молча подвинула ему воду. Потом вспомнили, как мать Саня однажды принесла им рассаду клубники и не сказала, какая. Кустики взошли, усы тоже появились, а ягод в тот год не было, весь год они ходили мимо грядки и гадали.

- Я её спрашиваю: а сорт-то какой? А она: сажайте, на будущий год увидите. - Мая засмеялась. - Мы и увидели.

- Ранняя оказалась. - Тай отложил ложку. - Она у нас до сих пор первая появляется, раньше всех в посёлке.

Сань сидел и слушал, как они планируют побольше места под эту клубнику отвести. Ему было хорошо, но он поймал себя на том, что засиделся.

Уходил в одиннадцатом часу. Мая завернула Саню с собой еще пирога, положила в небольшой горшочек жаркого и сунула в руки так, что отказываться было уже поздно. Тай проводил до ворот и постоял, держась за створку.

- Я в следующую субботу приду и залезу, гляну кровлю. Ты дома будь.
- У тебя ж суббота рабочая.
- У меня заказ там до обеда. После приду.
- Да там может и не за чем...
- Вот и узнаем.

Тай закрыл створку, когда Сань уже свернул за угол: слышно было, как она стукнула. Дома Сань включил свет в кухне и достал из ящика разлинованный путевой с двумя столбцами.

Три строки. Гош, семнадцать сорок. Женщина с прочерком, девятнадцать часов, со слов человека в тесном пиджаке, которого он больше никогда не увидит. Старик за балкой, восемь часов, со слов Вдима, которому сказали на ферме.

Он вспомнил, как Мая говорила: полтора часа стоял, я считала. Сань свернул лист вчетверо, открыл дверцу печки и бросил в топку. Сейчас уже редко топил, и в печи накопилось ненужных бумаг. Вырезки он не тронул. Выбрасывать имена было бы нехорошо.

Свёрток от Майи так и лежал на столе.

Утром Тэм вышел во двор раньше матери. Он уже держал флягу за ушки, когда Сань только сдавал задом.

- Здоров! Ну наконец-то.
- А что такое?
- Да ничего. - Тэм покатил первую к борту. - Просто Нил вчера приезжал, а он как встанет, так между бортом и косяком полшага. Мать говорит: скажи ему. А чего я ему скажу.

Сань принял флягу и откатил её в дальний угол.

- Он в два приёма сдаёт.
- Так пусть в три сдаёт. Ему что, трудно?

Тэм замолчал было, но на второй фляге продолжил.

- А я на той неделе на рынке был, с матерью ездил. Я, знаешь, сто лет там не был. Народу немного, зато все свои.

- Кого встретил?

- Ой, да много кого! - Тэм покатил третью. - Там, между прочим, эта стояла, с нижней улицы, у которой корова не покрывается. Я ей хотел сказать, к кому водить, но она уехала рано, я даже не успел. Потом у матери спросил, как её зовут, а мать говорит: не лезь. А чего не лезь-то, я же помочь.

Юна вышла на крыльцо, на ходу накидывая теплый платок на плечи, и остановилась у перил, не спускаясь.

- Тэм. Фляги.
- Я качу, качу.
- Меньше болтай, больше делай.

Тэм покатил быстрее. Юна постояла ещё, посмотрела, как идёт погрузка, и ушла обратно, оставив дверь приоткрытой, чтобы все слышать.

Дальше грузили молча, и Сань считал. Сорок одна. Термометр показывал четыре ровно.

Тэм закрывал ворота и договаривал: что мать думает брать ещё одну корову, но не в этом году, а еще у них крыша над сеновалом потекла. Вдим еще обещал зайти и третью декаду сидит у Тарса.

На пункте Тог сдавал декадную сводку и был злой: её у него опять не приняли, потому что приход не сходил с планом, и он третий раз писал объяснение теми же словами. Сань выслушал, расписался и поехал.

На мойке опять стоял Рэм, и снова поперёк, так что Саню оставалось только заглушиться и вылезти.

- Долго еще?

- Пять минут. - Рэм перекинул шланг в другую руку. - Я быстро.

Пять минут у него шли уже по второму кругу. Сань отошёл к стене.

- Экоформу сдавал? - крикнул Рэм через плечо.

- Сегодня пойду.

- Сходи сегодня, а то послезавтра конец декады, там очередь будет до улицы. Я в прошлый раз в последний день пошёл, простоял полтора часа, а там баба перед окном разбиралась, что у неё в графе не так. Полтора часа, Сань, из-за одной графы.

- Какой?

- А я знаю? Она возмущалась, а я не вникал особо.

Он домыл, смотал шланг и стал сгонять воду с крыши будки длинной резиновой шваброй.

- Ты воду как пишешь? - спросил он. - По счётчику или по норме?

- По счётчику.

- А я по норме. У них там норма на мойку восемьдесят литров, а у меня выходит сто двадцать, потому что я с мылом мою.

- А если проверят?

- А чем проверят? - Рэм слез с подножки. - Счётчик на посту один на всех. Сколько там за декаду накрутило, столько и накрутило, а кто сколько взял - поди раздели. Я пишу норму, сосед пишет норму, и всё сходится.

- У меня не сходится. Я снимаю до и после.

- Ну ты и снимай. Делать тебе нечего.

Он забрался к себе и уехал.

Управа стояла на площади, наискосок от камня. Сань пришёл к полудню, и очереди почти не было: человек шесть у третьего окна и никого у первых двух.

Форма была стандартная. Расход воды на мойку по счётчику. Слив - в ливневую, номер точки. Моющее средство - марка и количество. Графа «органика» - прочерк. Подпись, дата, номер путевого за последнюю декаду.

Он заполнил её на подоконнике, не задумываясь. Двенадцать лет назад он над этой формой сидел полчаса и один раз написал слив не туда по рассеянности, и ему её вернули. Больше не возвращали.

Очередь шла медленно. Впереди него мужик пытался сдать за четверых с одного двора и путался, за кого как расписаться.

- Мужчина, даже если живут вместе, подписывать должен каждый сам. - со вздохом проговорила девушка за стойкой.

Он положил все четыре листа на выступ под окном и стал перекладывать их, будто от порядка что-то зависело.

- Они на работе сейчас.

- Значит, после работы придут.

- Так и у вас рабочий день кончится.

- В последний день декады до восьми. - Женщина в окне посмотрела мимо него. - Следующий.

Мужик отошёл к подоконнику и стал раскладывать листы, было слышно, как он бормочет, кто из них где работает.

Сань поднял голову. На стене между окнами висела доска под стеклом, там были сводки. Раньше он не обращал на них внимания, но в очереди делать нечего, и он стал читать.

«Свод показателей по району Таск за истекшую декаду». Наверху число и подпись, внизу приписка: сводка вывешивается в открытом порядке, копия выдаётся по запросу в окне номер один.

Графы шли сверху вниз. Забор воды. Сброс в ливневую канализацию. Сброс в грунт. Вывоз твёрдых отходов. Компостирование. Сжигание. Органика на переработку. Напротив каждой стояло число и единица измерения, а справа - вторая колонка, поменьше, с теми же данными за прошлую декаду.

Ниже, отдельной строкой, ближе к концу, стояло: «утилизация биоматериала». Шестьдесят один и четыре десятых литра. Рядом, в узкой колонке, за прошлую декаду - сорок два и восемь.

Сань посмотрел на оба числа и не смог сообразить, много это или мало. Разница была в полтора раза, и она ничего ему не говорила: он не знал ни с чего эти литры берутся, ни сколько их полагается.

- Следующий.

Он подал форму. Женщина проверила графы, сверила номер путевого, шлёпнула штамп и подвинула отрывной корешок обратно.

- Всё?

- Всё. Через декаду приходите.

Сань отошёл от окна и остановился у доски ещё раз. Мужик, сдававший за четверых, обошёл его и задел плечом, не извинившись.

Тридцать восемь человек в год он посчитал сам по номерам. Литры висели на стене, под стеклом, копию обещали выдать по запросу в окне номер один. Это может сделать любой: спроси - дадут.

А сколько по нормативам с одного человека?

Глава 6

66 день. 26.

В четверг на пункте управились быстро, и в управу Сань пошёл, не переодеваясь. По дороге он прошёл мимо Гошева двора. Лук стоял ровными рядами, междурядья были недавно пролиты. Дальше шла короткая грядка чеснока и небольшой участок с картошкой, у забора куст смородины и ревень, а за ними сплошной сорняк. Рядом с бочкой сохла вверх дном лейка Мосовой. Латунный кран не капал.

В управе было пусто, только где-то за стенкой стучали печатями. У третьего окна дежурная раскладывала по ящикам вчерашние формы, второе изнутри положили картонкой, у первого никого. Женщина-ильд за первым окном переписывала что-то с корешков в раскрытый журнал в серой обложке и, чтобы увидеть, кто подошёл, ей пришлось наклониться.

- Мне сводки. Экологические. По мойке глянуть хотел, сколько там у нас на всех выходит, а то у меня по счётчику...

- Какие? - Она дописала строку и только потом подняла глаза.

- Как на доске.

Она вытащила из-под стопки бланк и просунула его в щель под стеклом.

- Вот тут пишите, какие. Декадные, годовые и за какой период. Годовые у нас за три года, старше не держим, так что больше трёх не пишите, всё равно не дадут.

Сань отошёл с бланком к подоконнику. Фамилия, адрес, наименование сводок, период, подпись. Он перевернул бланк, увидел чистый оборот и перевернул обратно. Стук печатей прервался, и стало слышно, как дежурная задвигает ящик.

Фамилию и адрес он вписал сразу. В наименовании вывел «свод показателей по району Таск, годовой», поставил запятую и остановился.

- А если мне не общее? - Он просунул бланк в щель наполовину и придержал пальцем.

- На доске одна строка. Больница, крематорий, всё вместе.

- Так и пишите: с расшифровкой по учреждениям.

- А её почему не вешают?

- Она на трёх листах. Куда её вешать, на дверь? - Женщина постучала ручкой по стеклу напротив графы. - Вот сюда допишите.

Он дописал. Она забрала бланк, пробежала глазами и стала переносить в журнал, но на второй букве остановилась.

- Ворков. Через «о»?

- Через «о».

Она дописала фамилию, адрес и период, развернула журнал к щели и показала ручкой, где расписаться. Потом достала из ящика папку, отсчитала пять листов и на каждом внизу поставила лиловый штамп «копия верна», расписалась и проставила число.

- Текущий год у меня здесь, копии готовые, это сразу. - Она подула на последний штамп.

- Годовые наверху, в архиве. Там и снимут. Заявку я отдам, спустят с описью.

- Когда?

- Дней через десять.

- А раньше никак?

- Нет. - Она подровняла листы и подвинула к щели. - Забирайте.

- Сколько с меня?

- Нисколько. - Она уже снова писала в журнал. - Экология.

Десять дней так десять. Он свернул листы трубкой, чтоб не мять, и вышел на площадь. У Гошева двора Мосова набирала лейку из бочки. Увидев его, она выпрямилась и вытерла руку о край жилетки.

- Из управы? - Она кивнула на трубку у него под мышкой. - Про дом не спрашивал?
- Нет.

- А чего тогда ходил?

- Бумагу брал. По мойке.

- А. - Мосова снова наклонилась к бочке. - А я уже месяц чужой огород поливаю. Ну как чужой, Гошев же.

- Много там у него?

- Да чего много-то. - Она закрыла кран до упора. - Полгрядки тут, полгрядки там, дальше лебеда по пояс. Он, бывало, за утро одну борозду пройдёт, посидит, и всё на этом. Я бы туда редиску кинула, место же пропадает. Да ведь не моё. Управа, говорят, определит. Управа определит, а поливать кто будет? Я. Хоть бы сказали уже, чьё оно теперь, а то хозяйничаю, хозяйничаю, а потом объявится кто-нибудь и спросит, кто мне разрешил.

Она подняла лейку обеими руками и понесла к грядкам. Из-под Гошевой калитки высуналась собака Мосовых, посмотрела на Саня и ушла к хозяйке.

Дома Сань разложил листы на столе по порядку. Расшифровка по учреждениям напечатана мелким шрифтом, каждое с новой строки: больница, лаборатория, крематорий. Под крематорием с отступом стояли ещё две строки: ильды и люди. Больница сдавала каждую декаду почти одно и то же, по два с половиной литра, лаборатория и того меньше, по нескольким десяткам.

Первым делом он взял последний лист и сложил все строки столбиком на полях. Вышло шестьдесят один и четыре, как на доске.

У ильдов почти в каждой декаде стояло по тридцать с чем-то литров, в одной за пятьдесят. У людей в первой декаде был прочерк, дальше одна цифра до запятой, потом опять прочерк. Сколько человек за декаду сожгли, в листе не писали. В одну декаду никто не умрёт, в другую двое, и тогда непонятно, что на что делить. Газеты он считал по годам, и тут надо было так же, а годовые данные приходилось ждать.

По улице гнали стадо с выгона, первое в этом году. Пыль поднялась до самых окон, и кухня наполнилась запахом пыли и навоза. Сань убрал листы в стол и пошёл закрывать окно.

В субботу Тай пришёл после обеда с доской на плече и гвоздодёром за поясом. Сань успел до него вытащить из сарая лестницу и прислонить её к стене над сенями.

Тай поставил доску к забору и подошёл к сеням. Свес был ему по плечо. Он оглядел крышу сверху, не трогая лестницу, провёл ладонью по краю от угла до середины и нажал. Доска под ладонью подалась, и из-под неё посыпалась труха.

- Вот тебе и не течёт.

- Но у меня правда ничего не капает. Приди в дождь, сам увидишь..

- Пока. - Тай нажал ещё раз, и щель под краем разошлась на палец. - Её повело. Пойдёт дождь с этой стороны, и всё это будет у тебя в сенях.

Лестницу Сань вытаскивал зря.

- Гвозди есть? - Тай уже примерился гвоздодёром к первой шляпке.

- Есть.

Ящик с гвоздями стоял в сарае на стопке газет, там, где Сань его оставил. Сверху лежал сложенный листок со столбцом недостающих номеров. Сань снял ящик, придержал коленом верхние газеты, чтобы не поехали, и понёс гвозди к сеням.

Тай выдирает старые гвозди с одного нажима, ржавые и гнутые, и ссыпал Саню в ладонь, как будто тот собирался их хранить. Гнилую доску он вынул целиком, отломил от неё угол и растёр в пальцах.

- С той стороны ещё ничего, а эта своё отлежала. Мне Мая так и сказала: с улицы видно, что просело. Она мимо ходит каждый день.

Гвозди он вбивал в два удара и протягивал руку за следующим, не глядя. Сань подавал. На полке в сенях от ударов звенела пустая банка.

- Мая просила еще горшок забрать.

- Какой горшок?

- Из-под жаркого. - Тай вбил гвоздь и взял у Саня следующий.

Банка на полке звенеть перестала: Тай перешёл к углу, где доска лежала на глухой стене. Там он вбил два гвоздя, отошёл на шаг и посмотрел на свес сбоку, прищурив один глаз.

- Ножку-то доделал для стула? - спросил Сань.

- Попробовал еще раз. - Тай вбил ещё один гвоздь, пониже. - Такая же вышла. Потом уже понял, что брусок надо другой взять, где сучков поменьше.

Когда доска легла, он провёл по ней ладонью, как по столешнице, отнёс обрезки к поленнице. Руки вытер о штаны.

Горшок Сань вынес из дома в полотенце. Тай сунул его под мышку.

- Лестницу только убери, - сказал он уже от калитки. - Мая мимо пойдёт, увидит и решит, что ты сам лазил. А влетит потом мне, что я тебя пустил.

Он ушёл вверх по улице. Прежде чем убрать лестницу, Сань всё-таки залез на неё и посмотрел на свес сверху. Доска лежала ровно, шляпки стояли в линию одна к одной. Третья ступенька под ним прогнулась и скрипнула, её тоже надо было менять. Он отнёс лестницу в сарай, а ящик с гвоздями поставил обратно на газеты.

С выгоном молока стало больше у всех. Коровы четвёртый месяц стояли на прошлогоднем сене, а тут вышли на траву, и уже через декаду у Юны прибавилось две фляги, у кооператива три, а на пункте с утра стояла очередь, какой не было с осени. Плотность при этом поползла к нижнему краю: трава молодая, водянистая.

Во вторник Сань возил фермы Нила за трассой. Подъезды там были другие, дворы теснее, а у крайнего ворота открывались внутрь, так что сдавать приходилось по зеркалу и глядя на хозяйку, которая стояла в воротах и махала полотенцем. Она же сунула ему в кабину банку сливок для Нила, обвязанную тряпицей. Банку Сань завёз в контору и поставил Верку на стойку. Тот ответил, что он не камера хранения, но банку взял. На путевом в тот день вышел семьдесят один километр.

В среду он занёс в третье окно форму за прошлую декаду. В последний день там не протолкнуться, а в середине никого: дежурная приняла, не поднимая головы, и спросила только номер путевого. У первого опять никого не было, и женщина за стеклом, увидев его, покачала головой, хотя он ничего не спрашивал:

- Не спустили ещё.

На доске висел новый свод. Утилизация биоматериала за истекшую декаду - сорок девять и шесть. Сань постоял перед ним, но без расшифровки строка ничего не значила, и он пошёл домой. Годовые данные ждать до понедельника, а это еще три рабочих утра, которые начались одинаково.

У Юны было ещё темно, и она светила с крыльца фонарём, пока Сань сдавал задом. Тэм уже держал первую флягу за уши.

- Слышал, у Прановых дед помер? - Тэм покати́л флягу к борту и говорил через плечо.

- Вчера утром, сидел на лавке у печки, его зовут завтракать, он не идёт, подошли, а он всё. Мать говорит, так и надо помирать, чтоб никого не мучить, он у них последний год жил, его из-за моста привезли, когда бабка умерла, и кровать ему у печки поставили отдельную. Брёвна только на той неделе пришли, теперь и надстраиваться можно не спеша, места-то побольше стало.

Сань поставил флягу к дальнему борту.

- Тэм. - Юна спустилась с крыльца с накладной и фонарём. - Про мёртвых так не говорят.

- А как? Я же как есть.

- Вот как есть и не говори. - Она поставила фонарь на борт светом в кузов. – Катай давай. Тэм покати́л вторую и продолжил тише:

- А брёвна-то им теперь куда? Купили же. Может вообще сейчас строить не будут.

- Себе возмёшь, - сказала Юна, не оборачиваясь. - У нас сеновал течёт.

Грузили под фонарём, и Сань считал. Юна подождала последнюю, и отдала ему накладную.

- Сорок три. Сам посчитай.

- Да я вижу.

- Ну вот. Коровы на траве теперь, им хорошо. Рыжая с утра первая к воротам стоит, хоть не выпускай. - Она сняла фонарь с борта, и в кузове сразу стало темно. - Ни́лу передай, что если опять косяк заденет, пусть пеняет на себя.

Термометр в кузове показал четыре и две. Тэм закрывал за ним ворота и ещё что-то договаривал про брёвна, и Сань кивнул, не вслушиваясь.

Тог встретил его под навесом, согнувшись, и заговорил первым:

- Приняли!

- Сводку?

- Ага, с четвёртого раза. - Тог расписался у себя и протянул Саню ручку через стойку. - Я объяснение то же самое написал, слово в слово, с копии переписывал.

Сань поставил подпись в накладной и в журнале.

- Значит, дело не в формулировке.

- Вот именно. - Тог забрал ручку и сунул в нагрудный карман. – Видно, надо было долбить до последнего.

За стеной включился насос на сливе, и они не стали перекрикивать шум.

В пятницу маршрут был длиннее: раз в декаду Сань заезжал к Тарсу на дальнюю ферму. Ворота холодильной у него стояли настежь, у порога лежал на боку велосипед, а из-под крайнего шкафа торчали ноги в стоптанных ботинках. Когда Сань вошёл, ноги поджались.

- Сань, ты? Скажи Тарсу, чтоб не включал! Я ещё не всё.

Тарс стоял у весов с накладной и ответил, что и не собирался. Из-под шкафа сказали что-то про прокладку, про чью-то мать и про ключ на десять, которого с собой, конечно, нет, хотя дома их целый ящик. Сань забрал фляги, расписался и уехал, так и не увидев Вдима целиком.

В понедельник Рэма на мойке не было, и Сань впервые за декаду не ждал очередь. Перед тем как открыть воду, он списал показания с счётчика на оборот путевого, а когда сматал шланг, списал ещё раз. Вышло девяносто четыре литра. Норма стояла восемьдесят, но в следующей экоформе он напишет как есть: девяносто четыре.

За первым окном в управе сидела та же женщина. Увидев Саню, она поморщилась и перебрала стопку папок у себя на столе.

- Не спустили. - Она отодвинула стопку. - Я им ещё в четверг отдала, в тот же день.

- Можете узнать, что там случилось? Я подожду тут.

- Ждите. - Она повесила на крючок в окне картонку «Перерыв» и вышла боковой дверью в коридор. - Постойте тут, я быстро.

Лифт был грузовой, с двустворчатыми дверями. Она нажала кнопку, и где-то наверху загудело. Когда двери разъехались, она нагнулась под притолокой, вошла и уехала.

Сань остался в коридоре. У третьего окна тем временем стояла старуха в платке и объясняла дежурной, что собака Мосовых третий раз лазит к ней в курятник, двух кур уже нет, и ей нужна бумага.

- Какая бумага? - Дежурная не поднимала головы от форм.

- Чтоб собаку привязали.

- Собаками мы не занимаемся.

- А кто занимается?

- Хозяева. Кто же еще?!

Старуха постояла, переложила сумку из одной руки в другую и пригрозила, что тогда займётся сама. Дежурная кивнула, не поднимая головы. Старуха ушла, и дверь за ней громко хлопнула.

Наверху ходили, двигали что-то тяжёлое и один раз, похоже, уронили. Потом лифт загудел обратно и встал. Двери открылись, и женщина вышла с двумя папками, прижимая их к груди. Двери ещё постояли открытыми. На стенке кабины под кнопками чуть выше головы Саня, висела табличка: «Грузоподъёмность 600 кг. Ильдод - не более 3. Людей - не более 8». Шестьсот на три - двести. Шестьсот на восемь - семьдесят пять. Двери съехались.

- Вот. Копии за пятьсот тридцать третий и тридцать четвёртый. - Она донесла папки до окна и положила на выступ со своей стороны. - Сначала распишитесь, что получили.

- А пятьсот тридцать второй?

- Тридцать второй в связке уже. Его в конце года списывать, уже увязали и опечатали. - Она перехватила ручку поудобнее. - Без старшей я печать не сорву.

- А она когда будет?

- В среду. - Она подняла на него глаза. - Вам обязательно три? Люди за одной декадой приходят, а вам три года подавай.

- Ну вот так. Я тогда в сред приду.

- Приходите.

Вечером Сань разложил обе папки на кухонном столе и вынул из стола тот листок с палочками, где слева стояли люди, а справа ильды. Внизу он тогда же подвёл итоги по четырём полным годам в столбик.

Годовой свод был толще декадного, но устроен так же. «Свод показателей по району Таск за 533 год», внизу приписка про открытый порядок, а дальше расшифровка на трёх листах. Крематорий. Утилизация биоматериала. Ильды - тысяча девятьсот пятьдесят один и две десятых литра. Люди - пятьдесят шесть и девять. Больница, лаборатория и крематорий вместе давали две тысячи девятьсот восемь и пять. Он собирался считать сколько выходит с одного тела. В сводке стояли литры за год, в его листке - сколько человек и сколько ильдов за тот же год сожгли. Разделить одно на другое, и всё.

Ильдов в пятьсот тридцать третьем году по его листку было сто восемь. Сань поделил на полях столбиком: сто восемь на восемнадцать - тысяча девятьсот сорок четыре, оставалось семь с небольшим, и на одного ильда выходило восемнадцать и семь сотых. Людей было сорок один. Сколько с одного, Сань стал подбирать: взял полтора литра, умножил на сорок один, вышло шестьдесят один с половиной, а в расшифровке стояло пятьдесят шесть и девять. Перебрал. Взял один и четыре, вышло пятьдесят семь и четыре. Почти, и всё равно много. Один и тридцать девять дали пятьдесят шесть и девять, столько, сколько напечатано.

С тридцать четвёртым получилось почти то же самое. С ильда семнадцать и девятьсот семь сотых, с человека один и сорок одна.

Сань дописал внизу листка то, что посчитал ещё в управе у лифта: шестьсот на три - двести, шестьсот на восемь - семьдесят пять. Столько ильдов и столько людей помещалось в кабину по весу. Значит, ильд тяжелее человека меньше чем втрое. А в крематории с ильда выходило почти в тринадцать раз больше, чем с человека.

Всё держалось на его палочках, а их он ставил тогда на полу, считая вслух, и мог где-нибудь сбиться. Сань взял фонарь и пошёл в сарай. Ящик с гвоздями опять пришлось снять. Он выбрал номера за тридцать третий из стопки, отнёс в дом и пересчитал заново, теперь уже одних людей, водя пальцем по предпоследней странице. Вышло сорок один.

Сань отложил карандаш. На стыке годов человек мог попасть в соседний год: умер в последнюю неделю, а напечатали о нем уже в новом. Он пересчитал тридцать третий так, будто

людей было сорок, потом так, будто сорок два. Вышло один и сорок две и один и тридцать пять. Всё равно около полутора.

Кровь человеческая ильду не годится, это ему в больнице объяснили, так что могло быть и ещё что-нибудь, чего он не знает. Может, для людей норматив другой, поменьше, и тогда считать тут нечего. Только норматив он ни разу не видел и не знал даже, от чего он зависит.

За окном опять гнали стадо, и пастух покрикивал на отстающих. Листы на столе зашевелились от сквозняка. Сань придавил их пустой папкой и закрыл окно.

В среду старшая вышла к первому окну сама в синих нарукавниках и с ножницами. Она положила связку на стол, дважды щёлкнула ножницами вхолостую и только потом разрежала бумажную ленту с печатью, расписалась на обрезке и отдала его младшей подшить. Свод за тридцать второй вынула сверху и отдала туда же.

Младшая унесла его в заднюю комнату. Оттуда хлопнула крышка, потом стало тихо, потом хлопнуло опять. Вернулась она с двумя стопками: подлинник положила обратно, а на копии появился тот же лиловый штамп, подпись и число. Старшая обвязала стопку папок тем же шпагатом и ушла с ней в заднюю дверь.

Сань расписался и отошёл к подоконнику. Листок с палочками лежал у Саня в кармане, сложенный вчетверо. Ильдов в тридцать второй было девяносто семь, людей тридцать семь. Он поделил прямо на обороте копии. С ильда вышло семнадцать и девяносто пять сотых, с человека один и сорок одна.

Он убрал листок обратно в карман и вернулся к окну.

- А норматив у вас можно посмотреть?

- Какой норматив? - Женщина снова писала в журнал и головы не подняла.

- По биоматериалу. Сколько с кого положено.

- Нормативов у нас нет. У нас сводки.

- А где узнать можно?

- В экологическом надзоре. - Она взяла откуда-то сбоку маленький листок и стала на нём писать. - Это в Малье. Можете письмо отправить, но они отвечают месяц, а то и два. Если сами придёте, быстрее будет.

Она просунула корешок в щель и снова взялась за журнал.

Сань вышел на площадь и остановился у камня, на котором было выбито, что люди высадились здесь. «Инспекция экологического надзора, отд. обращения с биоматериалом. Малья».

Четыре месяца он не мог отделаться от одного. В больнице сказали, что кровь у людей как постоянных доноров не берут, а те двое в переулке говорили про неё как про работу. Всё, что он находил с тех пор, было или не о том или объяснялось. А восемнадцать литров с ильда и полтора с человека никак.

Он сложил листок и убрал в карман. Съездить, спросить норматив, и тогда всё закроется.

Глава 7

88 день. 25.

Папку с копиями Сань с вечера положил в кабину на сиденье, чтобы утром не забыть. Там лежали три годовых свода и чистый путевой, на обороте которого он переписал набело всё, что насчитал за весну: три года, людей и ильдов по вестнику, литры по сводкам и сколько выходит с одного.

У Юны вынесли сорок четыре фляги. Тэм катал их молча и зевал через одну: накануне он до темноты помогал Прановым поднимать брёвна на надстройку. Юна постояла на крыльце, посветила ему фонарём в лицо и опустила фонарь.

- Ты хоть скажи что-нибудь. А то Сань решит, что ты заболел.

- Мам.

- Ну вот, уже лучше.

Термометр в кузове показывал четыре и две. На пункте Сань назвал температуру раньше, чем Тог открыл рот. Тот кивнул, сверил пломбу, расписался и ушёл под навес, пригибаясь: у весов водитель другой машины спорил с разгрузчиками, чья фляга недолитая.

На мойке стоял Рэм. Будку он уже домыл и теперь драил колёсные арки щёткой на длинной ручке, а шланг лежал поперёк площадки. Сань встал сбоку, чтобы не наехать на шланг, заглушил машину и вылез.

- Я сейчас. - Рэм ткнул щёткой под крыло. - Я уже всё, это так, от нечего делать. Раз день всё равно пропал, хоть домою по-человечески.

- А чего это пропал?

- На комбинате час продержали, приёмку опять сдвинули. - Он перевернул щётку и стал выковыривать ручкой землю из-под крыла. - До этого тоже часы выпали. Во вторник у крематория стояли. Хоронили старика с элеватора, водителя. Ты его не знал, он до тебя ещё ездил. Зерно возил, одно время на весовой сидел, потом уже дома. Девяносто один год. От нас человек пять было, и Верк пришёл.

- Внутрь пускали?

- Сына пустили. Остальные у ворот. Постояли, покурили, а там уже следующих вызывают.

- Рэм отбросил комок земли носком сапога. - Я с восьми до девяти там простоял, а у меня в девять вторая точка. Приехал туда к десяти, а под разгрузкой уже другая машина. Ещё час. Вот тебе два часа, и оба не мои. Да в пятницу на комбинате полтора. Да сегодня час. - Он стал загибать пальцы на свободной руке, дошёл до четвертого и махнул. - В общем, полдня за декаду.

- Простой в путевом отметить.

- А я не отмечаю? Комбинат отмечаю, точку тоже. Верк галочку поставит, а деньги мастер по наряду считает, там про мои стояния ни слова. - Рэм хмыкнул. - А похороны куда писать? Графы такой нет.

Он домыл арку, стукнул щёткой о колесо, чтобы стряхнуть грязь, и подал Саню шланг. Сань записал цифры со счётчика на обороте путевого, открыл створки и вынес поддон к стене.

- Ты сейчас спать? - Рэм полез в кабину за тряпкой и говорил оттуда, наполовину внутри.

- В Малью смотаюсь.

- На автобусе, что ли? - Рэм вылез обратно с тряпкой. - Он же у каждого столба останавливается. До вечера ехать будешь.

- Час двадцать вообще-то.

- Час двадцать туда, столько же обратно. - Рэм прикинул, шевеля губами. - Я за это время мясо на три точки развезу и ещё на комбинате постоять успею. А чего там?

- В надзор заглянуть надо.

Рэм перестал вытирать зеркало.

- В экологический, да?

- Он самый.

- Из-за мойки, что ли?

Сань открыл кран. Вода ударила в пол кузова и полилась к порогу, он повёл шланг по стенкам от передней вниз, как всегда. Рэм постоял с тряпкой, потом подошёл ближе, чтобы не кричать.

- Сань. Ты там про восемьдесят литров не рассказывай. Все пишут восемьдесят, не я один.

- Не расскажу, не бойся.

- Я серьёзно. Я и мыло пишу не то, каким мою. Моё в форме вообще не значит.

- Да не суетись, не собираюсь я ничего такого доносить.

Рэм засмеялся, сложил тряпку вчетверо и сунул за сиденье.

- Вот. С тобой хоть договориться можно. - Он захлопнул дверцу, опустил стекло и крикнул уже из кабины: - Там в надзоре одни длинные сидят. Стулья тебе дадут такие, что ноги болтаются. Ты ящик с собой возьми, как у Верка под стойкой.

Он уехал, а Сань домыл кузов, смотал шланг и списал счётчик ещё раз. Девяносто один литр.

Дома он умылся до пояса, надел чистую рубашку и наскоро перекусил. Потом вынул из ящика стола верхнюю вырезку. Расписание было на обороте, внизу последней страницы в рамке: из Таска 4:40, 7:20, 10:40, 13:20, 16:00, из Мальи 6:00, 9:00, 11:40, 14:20, 17:00. Если ехать в 10:40, в Малье он был бы в 12:00, обратно успевал на 14:20 и дома оказывался к 15:40. Дневной сон пропадал. Он убрал вырезку обратно в ящик, взял из кабины папку и пошёл к площади.

Когда он проходил мимо Мосовых, из-за забора выглянула сама хозяйка.

- Нарядный какой! Куда это?

- По делам.

- Ну-ну. - Мосова облокотилась на штакетник и смотрела ему вслед, пока он не свернул за угол.

Автобус пришёл полупустой. Кресла под ильдов только впереди за кабиной водителя, для людей дальше были привинчены два ряда пониже. Сань сел у окна, положил папку на колени и достал свой лист. Три года, в каждом по две строки. Люди: тридцать семь, сорок один, тридцать восемь. На одного выходило один и сорок одна, один и тридцать девять, один и сорок одна. Ильды: девяносто семь, сто восемь, девяносто девять. Семнадцать и девяносто пять, восемнадцать и семь сотых, семнадцать и девяносто семь. Внизу он приписал табличку из лифта: шестьсот на три и шестьсот на восемь.

Сады давно отцвели, окна в автобусе были открыты. Пахло травой и чуть-чуть пылью. Автобус останавливался у каждой фермы, где кто-нибудь махал с обочины, и один раз ждал, пока женщина донесёт до двери корзину с яйцами. У космодрома вышли двое ильдов в рабочих комбинезонах, зашёл один с портфелем и сел в самом конце. Как пассажир Сань уставал быстрее, чем за рулём: дорогу видишь, а повлиять ни на что не можешь, и время медленно тянется. После космодрома он закрыл глаза на минуту и открыл, когда водитель затормозил на конечной.

Он был ильд. Сань подождал, пока выйдут остальные, и подошёл к кабине.

- Не подскажите, где надзор экологический?

- Так. - Водитель наклонил голову, чтобы его видеть, и подумал. - Это к реке. Прямо, после почты направо, серый такой, четырехэтажное здание. Там ещё косят сейчас перед ним, не пройдёте мимо.

Перед серым домом и правда ильд в фартуке водил косилкой по газону вдоль фасада, и от неё летела зелёная крошка. У входа висела доска с отделами. Обращение с биоматериалом

на третьем этаже. Лестница была под ильдов, и на каждую ступень Сань поднимал ногу, как на подножку кабины. К третьему этажу уже держался за перила.

На двери отдела висела табличка «Отдел обращения с биоматериалом. Присутственные часы 7-15. В последний день декады 7-18. Выездной день - последнее число месяца». За дверью короткий коридор с одной скамьей. Там сидел пожилой ильд в сапогах и держал на коленях папку, из которой торчали листы во все стороны.

- Вы тоже за отработкой? - Он подвинулся, хотя места хватало на троих.

- Нет.

- А мне вот пришлось. Шесть дней дали, представляете? Шесть дней за кучу навоза. - Он вытащил из папки лист и тут же засунул обратно. - Она у меня двадцать лет на одном месте лежит, куча эта. Двадцать лет никому не мешала. А тут со спутника увидели, что до ручья сорок шагов, а положено пятьдесят. Я им говорю: так это ручей так растекся. Каждую весну так.

Сань сел на край скамьи.

- И что говорят?

- Пока ничего. Я ещё не заходил. - Ильд опять полез в папку. - У меня тут план участка есть, я сам рисовал. И где ручей был при отце, и где сейчас. Пусть посмотрят.

За окном в конце коридора стрекотала косилка. Дверь кабинета открылась, из неё вышла женщина-ильд с пустой корзинкой для бумаг и ушла по коридору в другую сторону. Ильд с папкой подождал немного и вошёл. Дверь за ним закрылась не до конца.

- Это вы не по адресу. - Голос из кабинета был спокойный и немного гнусавый. - Навоз это второй этаж, сельскохозяйственный сброс. У нас морги, больницы, лаборатории.

- Так на доске внизу написано: биоматериал.

- Ну.

- А навоз что, не био?

- Био. Но не наш. Второй этаж, по коридору налево, четвёртая дверь. План свой им покажите, это правильно, что нарисовали.

Ильд вышел, прижимая папку к груди, и остановился возле Саня.

- Не туда я, оказывается. - Он постоял. - Ну хоть план похвалили.

Он ушёл вниз, держась за перила. Сань постучал в приоткрытую дверь.

- Да.

Кабинет был длинный, с одним окном, оно было закрыто, хотя в комнате стояла духота. Вдоль стены тянулись полки с папками, рассортированные по годам. Стол стоял у окна, а за столом ильд. Даже сидя он был на голову выше Саня. Немолодой, с покрасневшими веками и носовым платком, заткнутым за манжету. На столе стояла деревянная табличка: «Инспектор Ярн».

- Вы тоже по навозу?

- Нет. Мне норматив узнать. По биоматериалу.

Ярн отложил ручку и взял карандаш.

- Который? Больница, лаборатория?

- Крематорий.

- Садитесь. - Он показал карандашом в угол. Там стоял стул обычной высоты, на нём лежала стопка папок. - Папки на пол можете переложить, ничего им не будет.

Сань убрал папки на пол и подвинул стул к столу. Край столешницы пришёлся ему под подбородок. Ярн тем временем встал, прошёл вдоль полок, не глядя на корешки, и вытащил тонкую брошюру в серой обложке. Вернулся, раскрыл её на закладке, наклонился и положил на самый край стола, развернув к Саню. Потом поставил карандаш на строчку.

«Предельный объём жидких биологических отходов вскрытия, передаваемых на переработку, устанавливается из расчёта 0,10 л на 1 кг массы тела умершего».

Под этим, другим шрифтом «Норматив распространяется и на людей».

- А для людей свой есть? Поменьше?

- Нет. Вот же, написано. - Ярн провёл карандашом по второй строчке. - Дописали, когда ваши прилетели. Анатомия одна, сочинять нечего.

- А вес кто считает?

- Крематорий, естественно. Им для печи вес нужен, они каждого взвешивают. - Ярн отвернулся к окну, чихнул в платок и сунул его обратно за манжету. - Извините. Трава цветёт. У меня каждый год так, окно открыть не могу, а тут ещё эта косилка под самым окном.

Сань открыл папку и достал свой лист. Ярн протянул руку через стол и взял его за край двумя пальцами.

- Это что?

- Я поделил. Литры из сводок, а людей и ильдов по вестнику. Сколько за год напечатали.

- По вестнику. - Ярн поднял брови. - Таскский?

- Ага. Крематорий один на район, вестник по тому же району. Кого сожгли, того и напечатали.

Ярн прочитал лист сверху вниз, потом ещё раз, медленнее. Потом выдвинул ящик, достал испорченный бланк, перевернул его чистой стороной и стал считать в столбик.

- Тысяча семьсот сорок один и шесть на девяносто семь... Семнадцать. Остаток... - Он приписал ноль, сбился и начал заново. - Семнадцать и девяносто пять. Сходится. Средний наш двести килограммов. Двести на десять сотых, двадцать литров предел. С наших у вас выходит восемнадцать. Девять десятых предела. Так и должно быть: всё до капли в слив не уходит, часть остается в теле.

Косилка за окном дошла до угла и развернулась. Ярн перевёл карандаш на верхнюю строку.

- Ваш средний?

- Семьдесят пять.

- Откуда это вы взяли?

- В управе табличка в лифте. Людей не более восьми на шестьсот килограммов.

Ярн хмыкнул в платок.

- Для лифта вообще-то с запасом рассчитывают. Учитывают человека в одежде и с сумкой небольшой. Средний у вас семьдесят. - Он написал в столбик и подчеркнул. - Семьдесят на десять сотых. Семь литров. До семи литров с человека. Если бы как у наших, девять десятых, должно выходить шесть и три.

Он написал под чертой: шесть и три. Рядом, из Саниноголиста, переписал один и сорок одна, один и тридцать девять, один и сорок одна. Косилка за окном заглохла, и в кабинете стало слышно, как у Ярна скрипит карандаш. Он дописал последнюю цифру и перестал писать.

- Одна пятая, - сказал он. - Даже чуть больше.

- Это нарушение?

- Нет.

Ярн положил карандаш на бланк, откинулся, и стул под ним скрипнул.

- Нарушение, когда больше. Больше, чем может дать тело, значит, в переработку отправили что-то не то. Чужое слили, например. Тогда проверка, отработка, запись в книжку. А меньше... - Он развёл пальцами над столом. - Меньше сдали, меньше переработали. Это особо неважно. Я здесь двадцать шестой год, и по недобору ко мне не приходили ни разу.

- А куда остальное девается?

- Может, не выкачивают до конца. Может, оставляют в теле, и оно уходит в печь. Это уже их порядок, не мой. У меня главное, чтоб цифры в предельные значения укладывались.

Сань ничего не ответил. Он смотрел на столбик на обороте испорченного бланка. Ярн за это время успел вытереть глаза и снова убрать платок.

- А проверить вы можете?

- Могу. По обращению. - Ярн снова выдвинул ящик и достал оттуда бланк, на этот раз чистый. - Обращение пишется за подписью. Фамилия, адрес, суть и основание. Основание это какой пункт нарушен. - Он положил бланк поверх брошюры. - Вы какой напишете?

Сань посмотрел на бланк. Графа «основание» была самая широкая, с пометкой мелким шрифтом: «пункт нормативного акта, иное». Пункт у него был один, и он лежал тут же, под бланком. Нарушен он не был.

- Я не отказываю, - сказал Ярн. - Напишете, я зарегистрирую, номер дам. Только проверку по нему не назначат. Проверки у нас по плану, выездной день раз в месяц, и расписано до самой зимы. Внеплановую ставят, когда нарушение. Или когда люди подписываются, что сами видели. А у вас... - Он тронул Санин лист. - У вас цифры из газеты, а газета, извините, не акт.

- И из управы, вот же.

- Литр, да. А людей вы по газете считали.

Сань взял свой лист и положил в папку к копиям. Бланк Ярн подвинул к нему ещё на ладонь.

- Возьмите. Мало ли.

Сань взял и бланк. Ярн сложил свой испорченный лист пополам, вложил его в брошюру на место закладки и поднялся поставить брошюру на полку. На столе зазвонил телефон. Ярн вернулся, снял трубку, послушал и прикрыл её ладонью.

- Всего доброго. Дверь только прикройте.

Сань вышел и прикрыл дверь. Внизу на втором этаже пожилой ильд с папкой разговаривал с кем-то за другой дверью, и голос у него был довольный: он опять рассказывал про ручей и про отца.

До автобуса оставался почти час. Сань дошёл до остановки и сел на скамейку под навесом, где над расписанием висели часы. Скамейка была людская, низкая, и он вытянул ноги. Лист больше не доставал.

Одна пятая. С ильда выходило девять десятых предела, а с человека одна пятая. Шесть и три без одного и четырёх это четыре и девять, почти восьмую часть фляги. Тридцать восемь человек в год по четыре и девять - сто восемьдесят шесть литров. Четыре полных фляги и пятая больше чем наполовину.

У Тога фляга, в которой не хватало двух десятых, шла отдельной строкой. Он сводил все это в конце декады и сдавал. Раз в год из Мальи приезжали и спрашивали, почему по кооперативу недовес. Здесь каждый год не хватало четырёх фляг с лишним, и ничего.

В автобусе на обратной дороге он не заснул. У одной из ферм зашли двое людей с корзиной цыплят и всю дорогу спорили, сколько там петухов. Цыплята пищали до самого Таска.

Дома он поел как следует, первый раз за день. Положил папку в ящик стола, а бланк сверху, и сел у окна. Спать днём было уже поздно, а ложиться рано.

Вдим пришёл ближе к вечеру и с порога попросил ключ на четырнадцать.

- Цепь?

- Цепь. Опять растянулась. Слушай, я её сегодня четыре раза накидывал. От Ласовых до моста. У меня этих ключей дома ящик, а с собой, сам понимаешь.

Инструмент у Саня лежал в кабине под сиденьем. Он принёс ключ, а Вдим тем временем перевернул велосипед во дворе на седло и руль и присел рядом на корточки.

- Подержи вот тут. - Он показал на раму. - Чтоб не завалился.

Сань взялся за раму. Вдим ослабил гайки на задней оси, оттянул колесо назад, пока цепь не натянулась, и стал смотреть сбоку, ровно ли стоит колесо.

- Я к тебе днём заезжал. Машина во дворе, а тебя нет. - Он подёргал колесо. - Мосова через забор говорит: ушёл к площади, в чистой рубашке. Ну, думаю, всё. Сань наш женится.

- В Малью ездил.

- Опять? - Вдим поднял голову. - Ты ж туда раз в год обычно ездишь. Второй раз в этом году, Сань. У тебя там кто?

- Да это просто по бумагам.

- По каким это?

- Насчет мойки.

Вдим сел на пятки и засмеялся, так что ключ чуть не выпал.

- Серьезно? Из-за этого ты потащился в Малью на автобусе? Ты им что, воды лишней налил?

- Держи колесо, уходит.

Вдим поправил колесо, затянул одну гайку, потом вторую, покрутил педаль рукой. Цепь пошла ровно и не соскочила. Он покрутил ещё, быстрее, и прислушался.

- Слышал новость? - Он встал и вытер ключ о штанину. - Мосовы собаку на цепь посадили. Старуха эта с нижней улицы, у которой куры, в управу ходила, ей там сказали, разбирайтесь сами. Она и разобралась. Пришла к Мосовым с палкой и стояла у калитки, пока он при ней цепь не прибил. Теперь собака воет по ночам. Ты разве не слышал? Соседи ж.

- Я сплю крепко, меня и ракетой не разбудишь.

- Везёт некоторым.

Он отдал ключ, пошёл в дом мыть руки и на обратном пути сунулся в холодильник, достал огурец и откусил на ходу.

- Ты сегодня днём хоть спал?

- Нет.

- Оно и видно. - Он вышел во двор и перевернул велосипед на колёса. - Всё, я пошёл, тебе же вставать рано. Потом как-нибудь соберемся.

Он вывел велосипед за калитку, сел и поехал вниз по улице, не держась за руль, но через два дома всё-таки взялся.

Сань вернулся на кухню и вынул из ящика бланк. «Обращение». Фамилия, имя. Адрес. Суть обращения. Основание. Подпись, дата. Пункт из брошюры он помнил наизусть. В графе «основание» писать было нечего.

Заполнять бланк не стал. Положил обратно в папку, а ее в ящик, и лёг, хотя за окном было еще светло. Где-то за огородами завывала собака Мосовых, потом перестала.

С человека на переработку уходит литр и четыре десятых. Куда тогда идет остальное?

Глава 8

112 день. 23.

К сенокосу фонарь у Юны стал не нужен. В половине четвёртого над выгоном уже серело, и на соседском лугу у дальних кустов двое шли с косами по росе. Юна вынесла фонарь по привычке, повесила на гвоздь у двери молочной и зажигать не стала.

Тэм вышел следом с сенной трухой в волосах. Ладони у него были обмотаны тряпками, и первую флягу он взял не за ушки, а под горловину.

- Ты в субботу чего делаешь?

- Сплю обычно.

- Не, я серьёзно. - Тэм наклонил флягу и покатил к борту. - Мы в субботу дальний луг начинаем, который за ручьём. Трактор один на три двора, его до среды Ласовы забрали, а там уже всё цветёт, мать говорит, ещё неделю простоит, и будут одни палки. Я говорю: Саня позовём, у него ж суббота. Она говорит: у Саня на субботу свои планы могут быть. А я говорю, так и спрошу.

- Вот видишь. - Юна стояла на крыльце с накладной и вниз не спускалась.

Сань подхватил флягу и поставил к передней стенке. Вторую Тэм взял так же, поморщился и перехватил пониже.

- Во, гляди. - Он размотал тряпку на правой руке и сунул ладонь чуть не под нос Саню. Там было два пузыря, один лопнул. - Это вчера натер. Мать говорит, руки не те. А я говорю, коса уже затупилась, её отбивать надо, а не на чем.

- Как это не на чем?

- Бабку Прановы взяли. Ну, наковаленку, на которой лезвие молотком оттягивают. С прошлого лета ещё взяли, у них там... ну, неважно, взяли и не отдают. Я ходил, а он говорит: нету у нас твоей бабки. А она у них на крыльце лежит, я же видел, я ему говорю...

- Тэм.

- Да молчу я.

Дальше он катал молча, только дул на ладонь между флягами. Сань считал. Сорок пять. На термометре было четыре и две.

- Сорок пять. - Юна спустилась, наконец, и сунула ему накладную. - Больше не жди. Это край, до осени так и будет.

Он расписался. Свой экземпляр сунул за козырёк. Юна сняла с гвоздя фонарь и унесла в дом. Тэм, закрывая ворота, кричал ему вслед что-то про субботу.

У развилки перед мостом кто-то косил. За крайним домом в серой полутьме было видно только светлую рубаху, которая раз за разом поворачивалась вместе с косой, и тёмную полосу позади неё.

Ворота в кооперативе открыл длинный парень, тот, что весной стоял на доске. Как его зовут, Сань так и не узнал.

- Никого нет, - сказал он вместо «здравствуй». - Все на покосе. Я да тётка на весах. Пранов обещал к погрузке, да где он, кто знает...

Он упёр доску в порог кузова и покатил первую. Ставить её было некому, и Сань сам забрался в кузов. Внутри стоял холод, а рубашка на спине у него уже промокла. Хуже нет, чем лезть в холодный кузов с мокрой спиной.

Младший Пранов появился на пятой фляге со стороны реки. На плече у него была коса, штаны мокрые до колен.

- Не ругайтесь! - крикнул он ещё от сарая. - Я у Руты полосу добивал.

Тётка на весах подняла голову от журнала.

- Опять у Руты?

- Не опять, а всё уже. Там до реки два прохода оставалось.

- А сено куда?

- Себе, куда. Не гнить же ему.

- А разрешения хоть спросил?

- У кого? Она ж померла.

- Управа ещё не решила, чьё там теперь.

Пранов прислонил косу к стене, вытер ладони о штаны и взялся за флягу.

- Управа до зимы решать будет. А трава, тётя, ждать не станет. Она сейчас в цвету, а постоит ещё, и одна дудка будет. Кому от этого лучше?

- А ничего, что это чужое? Совести у тебя нет.

- Чьё чужое? У неё ж никого. - Пранов закатил флягу на доску, и доска под ним спружилила. - Хоть бы кто на похороны пришёл...

- Я пришла.

Он остановился на доске с флягой.

- Ну ты. А ещё кто?

Тётка не ответила. Она подвинула на весах следующую флягу и записала вес, хотя стрелка ещё качалась.

- Одна я там и стояла к восьми у ворот. Были ещё какие-то, так те к своим. - Она перевернула страницу журнала. - Ильда у них, говорят, в тот же день, к вечеру уже всё. А наших до утра держат. Будто торопиться некуда.

- А ей куда торопиться? - Пранов подал флягу Саню наверх.

Длинный засмеялся первым, прикрыв рот ладонью. Тётка сказала «дурак» и снова уткнулась в журнал. Пранов засмеялся сам и пошёл за следующей.

Сань поставил флягу во второй ряд.

- Это какая Рута?

- Так на развилке. - Пранов вытер лоб рукавом. - Где верхняя дорога от моста уходит. Крайний дом.

Этот дом Сань знал двенадцать зим. Развилку он проезжал затемно в четвёртом часу, и над крайним домом всегда уже шёл дым. Один на всю округу, остальные печи ещё не затапливали.

- Где зимой раньше всех топят?

Пранов посмотрел на него снизу, не выпуская флягу.

- Ну. Она на пекарне всю жизнь проработала, лет сорок. Привыкла в три вставать, так и не отвыкла. А ты откуда знаешь?

- Мимо езжу.

- А. Ну да.

Чей это дом, Сань ни разу не спросил. Два номера назад в вестнике стояла Рута, восемьдесят восемь лет, сорок лет в пекарне. Тот лист лежал теперь в ящике стола вместе с остальными.

Фляг вышло двадцать шесть, с Юниными семьдесят одна. Пломбу Сань ставил, пока длинный держал створку: проволока, обжим, номер в накладную и в путевой. Пранов ушёл, не дождавшись, пока закроют, закинул косу на плечо и двинул через двор обратно на луг.

На пункт он пришёл без двадцати семь. Очереди не было, и Тог махнул ему из-под навеса: прямо на весы.

- Грузил на четырёх и двух. Сейчас четыре и семь.

- Жарко. - Тог глянул на пломбу, на накладную и поставил две подписи. - К обеду тут вообще не продохнёшь.

Проба в цилиндре встала на тридцать один. Весной у Тога всё жалось к нижнему делению, и он мерил по два раза и писал в Малью. Теперь глянул один раз, записал и отступил под навес.

Рэм приехал на мойку раньше. Будка у него уже блестела, а сам он сидел на подножке кабины, держа на коленях шланг, и вставать не собирался.

- Ты чего сидишь?

- Да сажу вот. - Рэм не пошевелился. - Меня вчера тёща косить позвала. На полдня, говорит. Я ей: это сколько, полдня? Она: как пойдёт. Провозились до темноты. Сил нет.

Сань выключил двигатель и спрыгнул с подножки.

- Я посчитал. - Рэм крутанул краник на шланге, коротко сбил с сапог присохшую траву и перекрыл. - За это время я бы мясо на все пять точек развёз и на комбинате ещё постоял. Там хоть в путевом отметят. А на лугу что?

- Тёща.

- Она отметила, как же. Криво, говорит, косишь. - Он встал, держась за дверцу, поморщился и сплюнул в сторону. - Ты, Сань, на покос ходишь?

- Нет.

- И не ходи. Никогда в жизни.

Он отдал шланг, полез в кабину, тяжело охнув, и уехал. Сань списал счётчик до и после, вышло девяносто.

К мосту он выехал за возом сена. Он был навален выше кабины трактора, и наверху, расставив ноги, стоял ильд с вилами. Перед мостом дорогу пересекали провода. Ильд заранее сел на корточки, проехал под ними сидя, потом поднялся и поправил вилами край. С воза помаленьку сыпалось сено. Обгонять на мосту нельзя, и Сань тащился следом, чихая от пыли, которая успела налететь в открытое окно, пока он его не прикрыл.

У развилки сбавил скорость. Крайний дом стоял с закрытыми ставнями. От сарая к реке тянулась свежая светлая полоса в два прохода шириной, а перед окнами трава осталась нетронутой по подоконник.

Вестник торчал из почтового ящика Саня на калитке, свёрнутый трубкой. Сань вынул его, пока открывал ворота, и развернул на предпоследней странице.

Имён было три. Мирт стояла первой. Шестьдесят два года, тридцать один год в библиотеке дома культуры, кремация двадцать второго числа четвёртого месяца. Получалось, в прошлую декаду. Под ней шли два ильда, восьмидесяти одного и девяноста четырёх лет.

Машину он загнал во двор и поставил мордой к воротам. На кухне приложил линейку по сгибу, как всегда, но потянул слишком резко, и угол порвался. Страница легла в ящик стола поверх остальных. Папка с копиями лежала там же, и бланк от Ярна в ней так и остался незаполненным.

Книги стояли на подоконнике с весны. Взял он их у Мирт после Малы, в ту декаду, когда у него не шли из головы музейные цифры: до Ольта семь лет и месяц, до Земли ровно втрое больше, без остатка. Под координатами Земли в музее стояла ссылка на звёздный каталог, и Сань спросил, нет ли такого. Мирт ушла к дальнему стеллажу и вернулась с каталогом в клеёчатой обложке толщиной в ладонь. Сверху она положила школьную хрестоматию: раз вы с товарищем спорите, пусть будет, там про высадку с картинками. Срок вписала в карточку, две декады. Каталог Сань открывал два раза. Земля нашлась в самом конце, теми же тремя строчками цифр со знаками, что висели в музее. Что значат знаки, он так и не разобрал, а хрестоматию и вовсе не раскрыл.

Держать чужие книги с весны было стыдно. Он сунул обе под мышку, отрезал хлеба и съел его по дороге к площади.

У колонки Мосова набирала ведро. Увидев книги, она отпустила рычаг.

- Сдавать? - Мосова кивнула на книги. - Мой младший тоже ходил. Там теперь длинный сидит из Малы, всё разложил, и сказку ребёнку не дал: погоди, говорит, пока не перепишу. А при Мирт он без сказки не уходил, она ему сама... Ты про Мирт-то слыхал?

- Прочитал.

- Вот и я прочитала. Шестьдесят два, разве это возраст? - Она сняла полное ведро и поставила пустое. - А кто заявлял-то? У неё ж никого.

- Не знаю.

Она налегла на рычаг обеими руками, и вода опять полилась.

Дверь библиотеки была открыта и подпёрта кирпичом. В доме культуры мыли полы, и из коридора тянуло сыростью и моющим средством. Стеллаж у двери стоял ровно. Под передней ножкой был подбит клин.

За стойкой молодой ильд. Он сидел на стуле Мирт с вышитой подушкой, привязанной к сиденью. Стул был ему мал, колени торчали вверх, и писал он прямо на колене. Ящик с карточками был выдвинут до упора, и половина карточек лежала рядом на стойке, в несколько стопок.

- Здравствуйте. - Он наклонил голову, хотя сидя был почти вровень с Санем. - Сдать или взять?

- Сдать.

Сань положил книги на стойку. Ильд взял верхнюю за угол двумя пальцами и повернул корешком к себе.

- Фамилия?

- Ворков.

Он провёл пальцем по карточкам до самой задней стенки ящика и вернулся.

- Нету. - Он посмотрел на стопки. - У неё тут не по алфавиту. Я третий день сижу и не пойму как. Может, по улицам.

- Не знаю.

- Меня из Мальи прислали, по распределению. Сказали, работы на полдня, разобраться, а я...

Он стал перебирать ближнюю стопку. Сань ждал. В коридоре гремело ведро и шлёпала по полу тряпка.

- Вот. Ворков Сань. Каталог и хрестоматия. - Библиотекарь повернул карточку к окну. - Тут ещё приписано. «Не Ласов».

- Не Ласов, - повторил Сань.

- А это что значит?

- Что я не Ласов. - Сань с трудом сдерживал смех.

Ильд кивнул и положил карточку на отдельную стопку.

- У неё такие через одну. «Рыжий, брат того рыжего». «Внучка, не дочь». - Он постучал стопкой о стойку, выравнивая. - Перепишу всё по алфавиту, как положено. А то никто ничего не найдёт.

Срок в карточке вышел ещё весной, и ильд на него не посмотрел. Он поставил штамп «возвращено». Штемпельная подушка у Мирт была почти сухая, и штамп вышел бледный.

- Вы её знали?

- Знал, и давно.

- Мне сказали, она прямо тут... - Ильд тронул стойку ладонью. - Дети из кружка пришли к закрытию, а она сидит. Я на этот стул два дня не садился, стоя работал. Потом пришлось. Другого пока нет.

У стойки сбоку стояла коробка из-под бланков. Сверху лежали очки в футляре, под ними кружка с отбитой ручкой, серая кофта, сложенная вчетверо, и начатая пачка чая.

- Это её. - Ильд тронул коробку носком ботинка. - Куда девать, не знаю. Родни нет, в управе обещали решить.

Сань промолчал. Ильд задвинул коробку ногой поглубже, чтобы не мешала.

Когда он смотрел синюю папку в первый раз, в листе использования стояла одна фамилия, его. Если с тех пор папку кто-нибудь брал, явно же отмечено.

- Мне бы там одну папку глянуть. - Сань кивнул на дверь задней комнаты. - Мы с товарищем тут...

- Какую? - Ильд уже вставал.

- Синюю, с завязками. Совет, первые годы.

В дверях задней комнаты библиотекарь пригнулся. Лесенка стояла у стены, он её не тронул: поднял руку, снял синюю папку с верхней полки и положил на стол.

- Эта?

- Ага, я быстро.

Больше он ничего не спросил и ушёл обратно к своим карточкам.

Лист использования был подшит спереди, как и в тот раз. На нём была одна строчка. Число, двенадцатое первого месяца, и фамилия, вписанные карандашом, круглыми буквами Мирт. Рядом его подпись. Ниже ничего.

Сань посидел над ним. Потом завязал тесёмки бантом, как было, и отнёс папку к стойке. Ильд взял её, не вставая, одной рукой, положил сверху на карточки и продолжал писать на колене.

То, что он читал решения совета за первые годы и искал в каталоге Землю, знала одна Мирт. Вдиму он об этом не говорил, а больше было и некому. Шестьдесят два года. Весной он сидел на полу над газетами и насчитал: в Таске человек умирает раз в девять дней в среднем. На этот раз выпал черед Мирт.

Домой он пошёл не прямо, а через верхнюю улицу в гору. Дневной сон он и так уже пропустил.

На верхней улице его догнал Вдим на велосипеде с сумкой через плечо. Он затормозил, упёрся ногой в забор и так и остался сидеть в седле.

- Держит! - Вдим крутнул педаль назад, и цепь прошуршала по звёздочке. - Ни разу не слетела. Я к Ласовым, у них опять насос.

Вдим оттолкнулся от забора и поехал дальше, не оглядываясь.

У Май в огороде посреди грядок стоял Григ с мерной лентой. Папка у него была под мышкой. Мая стояла на меже с корзиной срезанного укропа и следила, куда он ставит ноги.

- Сань!-Григ заметил его первым, поверх забора. - Иди поддержи. Мне одному на углах неудобно.

Сань вошёл в калитку. Агроном дал ему кольцо от ленты.

- На кольшечек. Вот так, прижми и не отпускай.

Он пошёл вдоль забора, разматывая ленту, и она щёлкала на катушке. У дальнего угла он согнулся к самой земле.

- Двадцать три семьдесят.

- Ты хоть запиши, - сказала Мая.

- Зачем.

- Он с обеда тут ходит. - Мая переставила корзину на другую руку. - Сколько лет в гости заходит, а огород меряет, будто первый раз видит.

- Не я. Спутник. - Григ стал сматывать ленту, и катушка затрещала. - С орбиты у тебя шесть соток и сорок метров. А в книге шесть ровно.

- Ну и что?

- Сорок метров, Мая.

- Это Тай забор перебирал. В старые ямы, говорит, столбы не ставят. Тай, скажи ему.

Тай сидел под навесом на чурбаке и набивал зубья в грабли. У стены стояли ещё пять штук, все с новыми светлыми зубьями.

- Не ставят. - Тай примерил зуб к гнезду. - Сгниёт вдвое быстрее.

Второй угол Сань держал уже без подсказки. Вышло двадцать семь ровно. Григ постоял, глядя на грядки, и губы у него шевелились.

- Шесть сорок. Спутник прав.

- Спутник твой пусть тогда сам и полет. - Мая ушла в дом с корзиной.

Тай вынул из грабель один зуб, посмотрел на него против света, вставил обратно и пристукнул. Потом снова вынул.

- Идите есть! - крикнула Мая из окна. - Тай, грабли оставь, никуда они не денутся.

На стол Мая поставила молодую картошку с укропом, прямо в кастрюле, огурцы, творог, перемешанный с зеленью, хлеб и кувшин холодного кваса. Сань сел за свой маленький стол в углу. Григ за большим согнулся ещё ниже Тая, а папку положил на подоконник.

В сенях гудел холодильник.

- Крыша-то не течёт? - Мая налила Саню квасу.

- Дожда не было.

- Будет. - Тай потянулся за хлебом.

- Мирт-то. Знаешь уже? - Мая придвинула Саню картошку.

- Сегодня прочитал.

- Она каждую среду у меня укроп брала. Два пучка. И каждую среду говорила, что в прошлый раз пучки были толще. - Мая поправила полотенце на плече. - Я один раз нарочно ей толще связала. Так она сказала, что этот рыхлый.

Тай положил ложку.

- Она меня весной звала. Стеллаж у двери подбить.

Сань отломил хлеба.

- Там починили уже.

- Кто?

- Не знаю. Клин новый стоит.

- Сосновый небось.

- Светлый.

- Сосна. - Тай взял ложку обратно. - К зиме высохнет, и опять по-новой.

Мая встала и зачем-то сдвинула чайник на плите.

- Вот и сходи, раз знаешь, как лучше.

- Вот и схожу!

Григ потянулся было к папке на подоконнике и не взял.

- Она мне старые планы доставала. Межевые, ещё прадедовы, я их с орбитой сравнивал. -

Он хмыкнул. - Сама по лесенкам уже не лазила. Покажет пальцем на верхнюю полку: доставай, говорит.

Григ взял огурец и повертел в пальцах.

- Теперь кто мне их найдёт. Новый же не знает, где что. А мне к осени сверку сдавать.

- Опять твоя сверка.

- По району всё сошлось, один квадрат остался.

- Этот твой вечный.

- Ага. - Григ положил огурец обратно. - У Сатра, где грот. С орбиты там трава, значит, должен быть обмер и хозяин в книге. А его же нет. Я каждый год пишу: закрыто, обмерить нельзя. Принимают, а на другой год присылают снова.

Холодильник в сенях щёлкнул и замолчал.

- А чего она закрыта, я так и не могу понять. Место-то красивое. - Мая подвинула Григу творог.

- Обваливается вроде. - Григ пожал плечами. - Кто её знает. Закрыта, сколько себя помню.

И дед говорил: всегда была.

- Ешь давай. Картошка стынет.

- Горячая ещё.

- Вот пока горячая, и ешь.

Сань сделал бутерброд с творогом. Он умял уже три картофелины подряд и только теперь сообразил, что с утра у него во рту был один кусок хлеба.

- Прановы, говорят, вчера воз на тонну привезли. - Мая собирала со стола огуречные хвостики в ладонь.

- Восемьсот двадцать.

- Мне говорили, тонна.

- Тебе говорили. А я на весовой стоял. - Григ отломил себе хлеба. - Они его с краю мокрым накидали, вот и тяжёлый.

Сань слушал и зевал. Второй раз он зевнул так, что не успел прикрыть рот.

- Иди-ка ты домой. - Мая уже забирала у него тарелку. - Тебе же вставать рано.

Тай поднялся проводить, и Сань махнул ему: сиди, мол. Григ кивнул с набитым ртом. Сань вышел первым. Солнце ещё не село, и с дальних лугов тянуло сеном.

Дома он завёл будильник на три и в половине девятого был уже в постели. Окно оставил открытым, как всегда летом. С выгона пахло скошенной травой, за чьим-то сараем точили косу.

Мирт нашли к закрытию, увезли, наверное, к вечеру и сожгли утром, в восемь. Гоша так же. Ильдов, если тётка на весах не путает, сжигают в тот же день. С каждого человека до переработки не доезжает почти пять литров, и это не считается нарушением. Между смертью и восьмью утра у человека одна ночь, и проводит он её в крематории.

Что же с ним там делают?

Глава 9

123 день. 22.

В пятницу вечером Сань завёл будильник на четыре. Проснулся он всё равно раньше, за четверть часа до звонка, и полежал, глядя в потолок. Суббота была единственным утром, когда можно было не вставать, но друзья есть друзья. Потом встал, выключил будильник, пока тот не зазвонил, приготовил кашу и съел её у окна. Тэм подъехал в пятом часу на их грузовичке с дощатым бортом, посигналил два раза и высунулся из кабины еще до того, как дернул ручник.

- Нил опять чуть косяк не снёс! - Он распахнул дверцу изнутри. - Я ему руками машу, левее, говорю, левее, а он мне в зеркало кивает и едет прямо. Полшага оставил. Мать с крыльца смотрела, ничего не сказала, только ушла в дом.

- Задел?

- Не задел. Но почти.

Грузовичок трясло на каждой колдобине, в кузове гремели вилы и грабли. Тэм вёл одной рукой, второй показывал, где у кого сколько скошено, и держал ладонь чуть согнув, лодочкой. На ней была свежая повязка.

- Бабку-то вернули, - сообщил он, когда съехали с главной дороги на полевую. - Младший Пранов сам принёс. Я, говорит, не знал, что она ваша, думал, наша. А она наша двадцать лет как! У неё на боку отцовы буквы выбиты. Он, наверное, и не посмотрел ни разу.

Дальний луг начинался сразу за ручьём, через который был перекинут настил из двух досок. Юна была уже там, в платке и в мужских сапогах. Трактор стоял на краю луга, и под ним торчали чьи-то ноги.

- Ласовы вернули, - Юна кивнула на трактор. - С погнутым ножом. Говорят, камень.

Ноги у трактора пошевелились, и оттуда ответили, что это явно камень и что к вечеру нож выправят. Юна вручила Саню косу.

- Умеешь?

- Обижаешь. Отец еще учил.

- Ну вот и посмотрим. - Она отошла на шаг. - Тэм, покажи ему, где начинать. И не болтай под руку.

Первый проход Сань прошёл плохо. Коса то зарывалась в землю, то шла поверху, и за ним оставались клочки нескошенной травы. Юна шла сзади с граблями и молча показывала на каждый клочок черенком. На втором проходе руки сами все вспомнили: не рубить, а вести, пятку прижимать, носок держать чуть выше. Роса ещё не сошла, и трава ложилась ровно, мокрым валком, и пахло так густо, что першило в горле. На ручье за спиной вода звенела по камням.

- Во! - Тэм обернулся через плечо и сразу сбился с ритма. - Мать, гляди, пошло у него!

- Ты на свою гляди.

К середине утра солнце встало высоко и подсушило росу. Косить стало тяжелее, трава стала жестче. Юна объявила перерыв, и Тэм сел отбивать косу. Бабку он вбил в землю, лезвие положил на неё и застучал молотком, часто и мелко.

Через ручей на соседнем лугу косил мужчина в выпцветшей рубашке. Он дошёл до воды, остановился и достал из-за голенища брусочек. Сань узнал его не сразу: Ласов, у которого Вдим вечно чинил насос.

- Юна! - Ласов провёл брусочком по косе, раз и другой. - Нож-то выправили?

- Выправляют.

Ласов снова повёл брусочком. Звук получился чистый, длинный.

- Слыхали, сосед-то мой? - Он поднял косу и посмотрел лезвие на свет. - Вчера помер. Днём, прямо в огороде. Жена его нашла.

Тэм перестал стучать.

- Это с которым вы из-за межи ругались? - спросила Юна.

- Он самый. Сегодня в восемь сожгли.... Моя к воротам ходила, а я вот... - Ласов пожал плечами и опять провёл брусом, только один раз. - Мы с ним с зимы не разговаривали. Теперь и между не с кем мерить.

- Так и не помирились, - сказала Юна.

Он сунул брус за голенище и пошёл обратно к своему краю. Тэм посидел с молотком в руке.

- Мать, так Григ им зря, что ли, два дня между мерил?

- Тэм.

- Ну я просто...

- Отбивай давай.

Тэм снова застучал. Сань стоял с косой и смотрел, как Ласов на той стороне становится в валок и продолжает с того места, где остановился. Вчера днём. Сегодня в восемь утра. Значит, человек, и ночь он лежал там. Сань её проспал, а в восемь, когда соседа Ласова сжигали, уже махал косой у ручья.

Обедали в тени у ручья под кустом. Юна развернула на траве полотенце: хлеб, варёные яйца, огурцы, соль в спичечном коробке и бидон молока, ещё холодного. Тэм съел четыре яйца, рассказал, что у Прановых надстройку уже подвели под крышу, но кровли нет, потому что шифер обещал брат, и уснул на полуслове. Юна сняла с него кепку и положила ему на лицо.

- Руки покажи. - Вполголоса произнесла она.

Сань показал. На правой ладони под средним пальцем вздулся пузырь, на левой два поменьше. Юна посмотрела и достала из сумки бинт.

- Замотай. Косу удержишь хорошо, а сжимаешь зря. Её душить не надо.

- Отец так же говорил.

- Вот. - Она подала ему соль. - Спасибо, что пришёл. Он бы тут один до осени махал, а мне на рынок в среду.

Она посмотрела на Тэма под кепкой.

- Он теперь по вечерам в посёлок ездит. Каждый день, как подоим. Грузовичок берёт.

- К кому?

- К дочке диспетчерши. Которая в крематории на телефоне. - Юна отломала хлеба и не донесла до рта. - Ильд. Я её видела один раз, он ей в подмышку дышит. Я ему говорю: ты хоть понимаешь, что детей у вас не будет? А он мне: мам, мы же пока в кино ходим.

- Ну и пусть ходят.

- Пусть ходят. - Юна стряхнула крошки с колен. - Я разве против. Да только смысла в это...

Трактор у края луга коротко взвыл мотором и затих. Из-под него вылез парень в масле по локоть, вытер руки о траву и объявил, что к вечеру не выйдет, к завтрашнему обеду точно будет готов. Юна ответила, что так они и сами докосят.

Под вечер ворошили граблями то, что Тэм накопил у ручья ещё в пятницу. Сено сверху уже высохло и шуршало, а снизу было сырое, и Тэм кричал с другого края, чтобы переворачивали до земли. В сумерках Тэм отвёз Саню домой, и тот заснул, не раздеваясь, завалившись поверх одеяла.

Утром ладони горели, и молочные фляги у Юны он принимал, не прижимая ручки к ладоням.

На неделе он думал о соседе Ласова больше, чем о пузырях. Чтобы увидеть, что с человеком делают ночью в крематории, надо было узнать о смерти в тот же день, до темноты. Про Гоша он так и узнал: сам его нашёл, и ночь Гош пролежал там. Только тогда Саню и в голову не пришло пробраться туда ночью. Про Мирт он прочитал в вестнике, когда её уже сожгли.

Про соседа Ласова слышал на следующее утро. Человек в Таске умирал раз в девять дней, а узнавал Сань об этом всегда на другой день, а то и через декаду.

Узнать заранее чью-то смерть невозможно, зато можно пойти в любую ночь и покараулить напротив ворот. Человека там может и не быть. Но можно заметить, когда гаснет окно, кто выходит во двор, приезжает ли кто-нибудь. Потом, в ту ночь, когда там окажется человек, он сразу заметит, что идёт не так. Так в первый год за рулём он записывал температуру в кузове на каждой остановке. Через месяц знал её наизусть и замечал лишние две десятых раньше, чем Тог.

В среду он лёг после обеда, поспал два часа, а в девятом часу вечера, когда обычно ложился, вышел из дома пешком. Отец ходил после работы до реки и говорил, что так ему лучше думается. До крематория пешком минут сорок.

Поле через дорогу от ворот скопили на прошлой неделе, и копны стояли рядами. Ближняя была в сорока шагах от ограды. Сань обошёл её со стороны поля, сел на стерню спиной к сену и вытянул ноги. Ограда была под ильдов, выше человеческого роста, и двор за ней он не видел. Зато над воротами на столбе висел фонарь, а за оградой в длинном здании горело одно окно.

Темнело медленно. Сначала пропали краски, потом дорога, сама ограда, и остались фонарь, окно и небо. В траве вокруг копны заскрипели крупные с палец кузнечики. Сань узнал их по звуку: в детстве они с отцом ловили таких в банку. Один сел ему на колено, посидел и прыгнул в темноту. Из-под копны вылез ёж величиной с кошку, посопел у его ботинка и ушёл по стерне к дороге. Над фонарём толклись мотыльки, и тени от них бегали по воротам.

Ничего не происходило. Никто не входил и не выходил. В окне иногда проходила тень, и тогда свет на секунду мерк и загорался снова. Сань считал эти моменты, и к полуночи насчитал одиннадцать.

Около полуночи в воротах открылась калитка. Вышел ильд, отошёл вдоль ограды шагов на десять туда, где свет от фонаря уже не доставал, и прислонился спиной к доскам. Сань видел его только в общих чертах: длинная тень, а до колен что-то светлое, вроде фартука. Ильд чиркнул спичкой. Огонёк на секунду высветил руки и край подбородка и погас, остался только красный уголёк сигареты.

Значит, это он и есть, тот самый один на всех, про которого Лан сказал, что он до ночи работает.

Сено у самого лица пахло пылью, и в носу зашекетало. Сань прижал палец под носом, как учила мать. Чих не проходил. Он зажмурился, задержал дыхание, и глаза заслезились.

Когда он открыл глаза, уголёк у ограды застыл на полпути ко рту. Кузнечики вокруг копны замолчали. Тень у ограды повернулась к полю. Сань не дышал. Нога, на которую он опирался, затекла ещё полчаса назад, и в ней теперь покалывало. Прошло, наверное, полминуты, может, больше.

Потом ильд снова затянулся. Наконец, докурив, бросил окурочек в урну у калитки. Во дворе звякнул засов. Сань выдохнул в рукав и чихнул туда же два раза. Кузнечики помолчали ещё немного и заскрипели снова.

Самое время было уйти. До дороги сорок шагов по стерне, потом сорок минут до дома, и можно было бы ещё поспать часа два перед выездом. Сань растёр затёкшую ногу и остался сидеть.

Окно погасло в начале третьего. Над полем уже серело, и копны выступали из темноты. Больше ничего не было. Он поднялся, отряхнул штаны и пошёл домой через поле, чтобы не идти мимо ворот.

Машины он вывел в двадцать минут четвёртого, как всегда. В глаза будто песка насыпали, и мир был какой-то стеклянный. У Юны он принимал фляги и считал.

- Сорок четыре.

- Сорок пять. - Юна отдала ему накладную и не отпустила её сразу. - Ты чего, Сань?

- Сорок пять, - согласился, кивнув, он.

- Вот и я говорю. - Она посмотрела на его лицо при свете фонаря. - Ты сегодня прямо как Нил. Руки как?

- Заживают.

Тэм бежал за машиной до ворот и кричал, что в субботу остальное сено в копны складывать и что если Сань придёт, мать спечёт пирог. Юна с крыльца возразила со смехом, что про пирог она ничего не обещала.

По дороге к пункту правое колесо дважды уходило на обочину и шуршало по гравии. Сань опустил стекло до конца, и в кабину ударил холодный утренний воздух с запахом сена. Дальше ехал на пятидесяти и пел вслух, что помнил.

Тог вышел к нему из-под навеса, сверил пломбу, расписался, поставил галочку и поднял голову.

- А температура?

Сань посмотрел на него.

- Четыре и две было. Теперь четыре и шесть.

- Я у тебя её спрашивать давно отвык. - Тог сунул ручку в карман. - Ты заболел, что ли?

- Не выпался просто. - Сань махнул рукой, мол, пустяк.

- А, ну это бывает. - Тог махнул разгрузчиком. - У меня у младший зубы режутся, я третью декаду не сплю толком.

Дома он не стал ни есть, ни раздеваться. Лёг поверх одеяла, как в субботу, и проснулся, когда по улице уже возвращалось стадо. Проспал без малого пять часов без снов.

Разбудил его Вдим. Он стоял в дверях спальни с бутылкой тёмного и разглядывал Саня с интересом.

- До сих пор спишь?

- Не выпался ночью.

- Ты в полдевятого ложишься, по тебе часы можно сверять. - Вдим отпил и сел на край кровати. - Я уж думал, помер. Дверь открыта, в доме тихо, а машина стоит.

Сань сел и спустил ноги на пол. Вдим увидел его ладони и перестал пить.

- А это что?

- Косой мозоли натер.

- Косой? - Он поставил бутылку на пол у ноги. - Ты косил? Где?

- У Юны. В субботу.

- Сначала Малья, теперь покос. - Вдим покачал головой. - Ладно. Слушай, я как раз от Ласовых.

- Опять насос?

- Ага. Но я не про это. - Он поднял бутылку и повертел её за горлышко. - Сосед у них помер, знаешь?

- Знаю. Ласов говорил.

- Тебе говорил? Ну, тогда самого главного ты не знаешь. Ласов на другой день пошёл к забору и стоит. Час стоит, другой. Ласова мне рассказывает: я думала, он там плачет. А он колышки считает. Которые Григ весной вбил. И выходит у него, что два колышка на его стороне.

- И что?

- И то. Вдова ему через забор: ты хоть до конца декады подожди. А он ей: а при чём тут декада, если колышки уже стоят? - Вдим засмеялся и сразу перестал. - Она в него, прикинь, лопату швырнула. Не попала. Теперь Ласов и с вдовой не разговаривает.

Сань встал и пошёл на кухню ставить чайник. Вдим пошёл за ним, прихватив бутылку.

- Ты чего молчишь?

- Слушаю.

- Ты не слушаешь, ты спишь на ходу. - Вдим допил и поставил пустую бутылку у двери.
- Ложись давай лучше. В другой раз посидим.

Он ушёл. Чайник закипел и щёлкнул. Сань посмотрел на него, подумал и так и не налив себе, лёг обратно.

В пятницу у Юны он сказал Тэму, что завтра не придёт. Тэм огорчился секунды на три, потом махнул рукой и стал рассказывать, что дочка диспетчерши обещала сводить его в Малью на какой-то фильм про корабли.

Рэм оказался на мойке раньше него. Домывал будку и, увидев у Саня на ладони подсохший пузырь, перекрыл воду.

- Это что у тебя?

- Мозоли от косы.

- Ходил всё-таки. - Рэм сунул шланг под мышку. - Я тебе что говорил? Никогда в жизни.

- Ну говорил.

- К кому ходил? За сколько?

- К Юне. Она в субботу пирог делает, да и вообще, сочтемся.

- Пирог. - Рэм посмотрел на свою ладонь, на которой тоже желтела мозоль. - Я теще до темноты отмахал, мне и стол не накрыли. Сказали только, что криво все как-то. А завтра что?

- Звали копнить. Но я не пойду.

- Правильно. - Рэм снова открыл воду. - Первый раз откажешь, второй раз уже не позовут. Я вот первый раз не отказал, так к теще пятнадцатый год и хожу.

Он домыл, отдал шланг и укатил. Счётчик в этот раз показал восемьдесят девять литров.

Дома Сань лёг сразу после обеда, а в сумерках пошёл опять. Утром можно было не вставать: в субботу его ходку брал Нил.

Копна стояла на том же месте. Кто-то за эти два дня увёз крайний ряд, и на стерне остались светлые квадраты. Сань сел туда же спиной к сему, и в этот раз подстелил под себя старый мешок.

Ильд вышел курить около полуночи, как и в среду, и встал на то же место у ограды. На поле он не посмотрел ни разу. Докурил, постоял ещё, задрал голову к небу, и ушёл обратно.

Во втором часу по дороге подъехал фургон. Сань его не услышал, только увидел, как на воротах заплескал свет от фар. Фургон был серый и высокий, такой же, как тот, что приезжал за Гошем. Ильд в фартуке вышел снова, открыл обе створки ворот, и фургон въехал во двор. Створки остались открытыми.

Во дворе горел свой фонарь. Под ним водитель остался у кабины, а двое пошли к задним дверям. Один говорил не переставая, и голос его доносился через дорогу обрывками.

- ...а я ей говорю: не жди, говорю, к ужину, у нас сегодня... - Дальше Сань не разобрал.

Голос он узнал. Ровин, тот молодой, что у Гоша прихватил из комода папку и понёс её обратно под взглядом Лана. Второй, высокий, молчал.

Из фургона вынули носилки. Двое держали их за концы. На носилках лежало длинное тело, накрытое простынёй. Гоша Лан нёс один, держа носилки перед собой за оба конца.

Значит, ильд.

Носилки занесли в торец двора. Ворота бокса там были открыты, а проём был завешен резиновыми полосами до самой земли, как на холодильнике у Тога на пункте. Полосы разошлись, сомкнулись и долго качались по инерции. Ильд в фартуке расписался на планшете, приложив его к капоту. Фургон развернулся во дворе и выехал, и ворота за ним закрыли.

Окно горело до третьего часа, так же как в среду. Когда оно погасло, над полем уже было почти светло. Сань не уходил. Он сидел и смотрел, как из тумана над стернёй проступают дальние копны, и в какой-то момент закрыл глаза.

Разбудил его трактор. Он тарахтел по стерне со стороны дороги, старый с высоким прицепом, и полз прямо к его копне. За рулём сидел старик в соломенной шляпе, человек. Он остановился в трёх шагах, заглушил мотор и посмотрел на Саня сверху.

- Ты кто такой?

- Водитель молочного холодильника. - пробормотал Сань.

- А. Молоко. - Старик подумал. - А здесь чего?

- Сижу просто.

- Всю ночь, что ли?

Сань не ответил. Старик снял шляпу, заглянул в неё и надел обратно.

- Ну сиди. Только слезь с копны, мне ее собрать надо. - Он слез с трактора и воткнул вилы в сено рядом с Саниным плечом. - Или помоги, раз всё равно тут. Мне одному на верх неудобно.

Сань встал. Ноги были ватные, одна опять затекла. Старик подавал ему сено снизу, а Сань стоял в прицепе и принимал, и укладывал от бортов к середине. Над крематорием поднималось солнце, а фонарь над воротами всё ещё горел.

- Ты не из этих, которые звёзды по ночам смотрят? - спросил старик, подавая последний навильник.

- Нет. - Сань помотал головой и чуть было не потерял равновесие.

- А то у меня внук тоже. Ляжет в поле и до утра спутники высматривает. Я ему говорю: ты б так коров пас, как спутники пасёшь.

Он забрался за руль, прицеп заскрипел по стерне к дороге, и как Саня зовут, старик даже и не спросил. На месте копны осталось светлое пятно на стерне и мешок, который Сань подстилал.

Домой он шёл через посёлок, когда уже совсем рассвело. У колонки стояла Мосова с ведром. Она отпустила рычаг и посмотрела на него с головы до ног.

- Батюшки. Ты где ночь-то гулял? - Она протянула руку и сняла у него с воротника травинку. - Весь в сене. Ну, Сань. Ну ты даёшь.

- Сено грузил.

- В шестом часу утра?

- В пятом начал.

- Ага, ага. - Мосова нажала на рычаг, и вода полилась в ведро. - Вдим твой говорил, ты в Малью зачастил. Теперь сено. Ты хоть скажи, кто она, я ж никому.

Она засмеялась, подхватила полное ведро и пошла к себе, то и дело оглядываясь.

Дома Сань умылся, лёг и проспал до обеда. Про Юнин луг он вспомнил, только когда встал: как-нибудь справятся без него. Он достал из-за козырька в кабине чистый путевой и сел к столу. На обороте написал пару строк. Среда: окно с вечера до начала третьего, одиннадцать теней до полуночи, перекур в полночь, никого. Пятница: перекур в полночь, фургон во втором часу, носилки на двоих, ильд. Окно до третьего часа.

Ниже он приписал то, что знал и так. Человек в среднем раз в девять дней. Две ночи из девяти. Ильдов за год почти втрое больше, и носилки ему в следующий раз, скорее всего, опять попадутся длинные.

Сидеть так девять ночей подряд он не сможет, на пятую уснёт за рулём и въедет в кювет. А про следующего опять узнает от других, когда будет уже поздно.

Как узнать в тот же день, что умер человек?

Глава 10

131 день. 22.

Проснулся Сань от голоса Мосовой. Причем он доносился не с улицы, а из коридора, и говорила она громко и по слогам, будто на том конце плохо слышно.

- Ве-то-ва. Через «е». Да не она, я диктую, ей сейчас не до того.

Сань сел на кровати. Из окна лился ровный дневной свет, и проспал он от силы час. Сань натянул штаны и открыл дверь спальни.

Мосова стояла у телефона спиной к нему и держала трубку обеими руками. Над её головой пару раз моргнула лампочка. На табурете у входной двери сидела Ветова из крайнего дома в переулке, в фартуке и в галошах без чулок. На коленях у неё была чашка с чаем.

- Лежит. - Мосова кивнула в трубку. - На кровати, на боку. Нет, не трогали. Ну как не трогали, она его за плечо потрясла, будила же к чаю. Так и пишите: потрясла.

Ветова подняла глаза на Саня и опустила с тяжелым вздохом.

- Каких соседей? - Мосова переложила трубку к другому уху. - Я и есть соседка. Да никого я не пускаю, мы вообще не там, мы от соседа звоним. Ага. Ага. Ждём.

Она положила трубку и только тогда обернулась.

- Ой. Разбудили всё-таки. - Мосова поправила трубку на рычаге, хотя та лежала ровно. - У тебя ж не заперто, а у Ветовых телефона сроду не было. До Прановых бежать, а там ещё неизвестно, дома кто или нет. А у них два часа.

- У кого?

- Да у этих, у двухчасовых. За два часа же сообщить положено, а то потом объясняйся. - Она махнула рукой на аппарат. - Мы стучали. Ты спишь, хоть из пушки стреляй. Она сперва сама звонить взялась, а её там спрашивают: лежит или сидит? А она два слова связать не может. Ну я трубку и забрала.

- Кто умер-то?

- Дед ихний, кто ж ещё. Прилёт после обеда, как всегда, а к чаю не встал.

Ветова поднялась с табурета. Чашку она поставила на полку у телефона, рядом с его ключами, и вышла, не прикрыв за собой дверь.

- Восемьдесят три. - Мосова проводила её глазами и понизила голос. - Пойду, а то она там одна. Зять на элеваторе до вечера, его и не вызвонишь. Ты выйди хоть, постой с нами. Не совсем чужой человек ведь.

Она ушла. Сань постоял в коридоре под лампочкой. Ветовы. Человек. Всю неделю он прикидывал, как узнать про смерть засветло, и вот получил новости в собственном коридоре.

Двухчасовые приехали минут через двадцать. Сань успел умыться, одеться и застёгивал рубашку у окна спальни, когда над забором Ветовых остановился серый фургон. Он вышел через двор к своей калитке.

Водитель из кабины не вылез: открыл дверцу, выставил ноги на подножку и что-то жевал. Учётчики были те же, что весной у Гоша. Лан ушёл в дом и в дверях пригнулся почти до пояса. Ровин достал из фургона укладку, двинулся было следом, но на полдороге увидел через забор Санину машину и остановился.

- Молочный! - Он показал на неё подбородком, потому что руки были заняты. - Я ж вас помню. Весной, у колонки, дед на табуретке.

- Было.

- Ну вот. - Ровин перехватил ящик другой рукой. - Мы сегодня третий раз выезжаем. С утра длинный на нижней улице, потом старуха за мостом, тоже длинная, тяжёлая, вчетвером выносили. А это, значит, ваш. Жара ещё, будка с утра на солнце...

- Ровин. - Голос Лана шёл из дома. - Укладку.

Парень спохватился и побежал, ящик бил его по колену.

Сань пошёл к крайнему дому. Мосова стояла у калитки Ветовых и держалась за штaketину. Вдоль забора стояла тачка, до половины нагруженная навозом, из него торчали вилы черенком кверху.

- Вчерашняя. - Мосова показала на тачку. - Каждый вечер на выгон вывозят, ты ж слышал, небось, как он мимо тебя катит. Колесо у него болтается, того и гляди, отвалится. Она ему: куда тебе столько, огурцы и так девать некуда. А он: осенью пригодятся. Какая ему осень, восемьдесят три года...

Она не договорила. Из дома вышел Лан с планшетом, снова нагнул голову под притолокой и выпрямился уже на крыльце.

- Кто видел его сегодня живым? Кроме родни.

- Я видела! - Мосова отпустила штaketину. - С утра, у колонки. Он с ведром шёл, я ему говорю: давай донесу, а он...

- Имя и фамилию.

- Так вы ж меня записывали уже. Весной, у Гоша.

- По буквам, - сказал Лан.

Мосова продиктовала по слогам и с явной обидой. Лан писал, не глядя на неё. Ровин вынес из фургона носилки, сложенные вдвое, и ушёл с ними в дом. Сань стоял у тачки. Навоз на солнце пах будь здоров, и над ним крутились мухи.

Деда Лан вынес так же, как тогда Гоша: один, носилки перед грудью. Простыня лежала неровно, и с краю торчала пятка в шерстяном носке. Ветова шла следом до самой машины. У задних дверей Лан опустил планшет ей до груди, и она расписалась, не читая. От тачки Сань расслышал только конец: «...потом хоть выбросьте».

Развернуться в переулке было негде, и фургон сдал задом до самой улицы. Из-под колеса щёлкнул камешек, тот стукнул о забор. Собака Мосовых гавкнула ему вслед.

- Завтра в восемь, - сказала Мосова, хотя её никто не спрашивал. - Я с ней пойду. Ты-то на работе будешь.

- Завтра суббота.

- А, ну да. Ну, смотри сам.

Она ушла в дом к Ветовой. Сань вернулся к себе.

Машина стояла во дворе, как всегда, носом к улице. Он забрался в кабину и глянул на указатель заряда: хватало с запасом. По его фермам в субботу ездит Нил на своей машине, и до воскресного утра грузовик никому не нужен. Если пойдет пешком, скорее всего увидит то же, что в прошлую пятницу: ворота, фонарь и окно. А если кто-то будет подъезжать или отъезжать, сидя под копной не проследишь.

Из-за козырька он вынул путевой с записями за прошлую неделю и под ними дописал: пятница, Ветовы, дед, восемьдесят три, человек, бригада днём. Потом пошёл в дом, отрезал хлеба, налил в бутылку холодного чая и сложил в сумку вместе со старой курткой: у поля ночью прохлада пробирала и летом. Чашку Ветовой на полке у телефона он не стал трогать. Лёг досыпать, но так и пролежал до вечера, глядя, как на потолке покачиваются тени от листьев.

Вдим приехал в седьмом часу. Прислонил велосипед к забору, вошёл не стучась и поставил сумку с инструментом у порога кухни.

- Слушай, мне машина твоя нужна.

- Нет.

- Ты даже не дослушал. - Вдим уже стоял на кухне у открытого холодильника. - Тарс шкаф списал. Старый, холодильный, который я ему три раза чинил. Отдаёт Ласовым под молоко, задаром, понимаешь? А везти не на чем. На тракторе нельзя, там компрессор, растрясёшь и привезёшь металлолом. Нужна будка, пол ровный и чтоб привязать. У тебя же есть.

- Машина по наряду.

- Так завтра суббота! - Вдим вытащил одну бутылку тёмного, посмотрел на Саня и вытащил вторую. - Туда и обратно километров двадцать. Кто их считает?

- Верк, например. - резонно отрезал Сань, изогнув одну бровь.

- Верк! - Вдим скovyрнул пробку об угол столешницы. - Да Верк твои путевые не читает, галочки ставит, и все. Мне Ним рассказывал, он раз вместо путевого у мясника накладную принял и на штырь наколол. Декаду висела, пока сам мясник не пришёл.

- Не дам.

- Ну и ладно. - Вдим уселся на стул боком. - Ласов на тачке повезёт. Пусть потом сам и чинит.

Он отпил и так и остался с бутылкой у рта.

- Слушай. Мосова говорит, у вас тут у Ветовых... Это дед с тачкой который?

- Он.

Вдим поставил бутылку, дотянулся до сумки, не вставая со стула, и долго в ней рылся. Вынул что-то в промасленной бумаге и развернул на клеёнке. Подшипник был новый, весь в смазке.

- Ему в колесо. Подшипник там полетел, колесо на честном слове болталось. Просил ещё две недели назад, я с тех пор и таскаю

Он поката́л подшипник по ладони, завернул обратно в бумагу и сунул в сумку.

- Ну теперь чего уж, - сказал он.

Потом он рассказывал про Кая: корабль на космодроме всё стоит, леса с него сняли наполовину, и в среду Вдим опять съезжал на обочину смотреть. Сань слушал вполуха и смотрел в окно. Солнце стояло ещё высоко, а выезжать надо было в сумерки. Выбрал же Вдим вечер.

- Я лягу, пожалуй.

- Сейчас? - Вдим глянул в окно. - Восьми нет. Завтра ж суббота, Сань.

- Не выспался я что-то...

- Ты который раз уже не высыпaeшьcя. - Вдим допил одним глотком и отнёс бутылку к порогу к прошлым пустым. - Я тебя с весны таким не помню. К врачу сходи, я серьёзно.

- Сам и иди, если так хочется.

- А я-то зачем?

- Вот и оно не надо.

Вдим засмеялся, забрал сумку, вторую бутылку сунул в карман куртки и ушёл. За калиткой он ещё обернулся и крикнул, что Ласов шкаф всё равно угробит, и виноват будет Сань.

Выехал он в девятом часу, когда начало темнеть и у Ветовых зажгли свет во всех окнах. Собака Мосовых гавкнула на цепи два раза и замолчала. Холодильник Сань не включал: кузов стоял пустой, а компрессор ночью изда́лека слышно.

По дороге до крематория выходило дальше, чем пешком через поле. Не доезжая ворот шагов полтора́ста, вдоль дороги тянулась лесополоса, а вдоль неё тракторный съезд на поле. Сань сдал туда задом между двумя тополя́ми и встал носом к дороге. Из кабины между ствольами́ был виден фонарь над воротами и верхний край окна над оградой. Копны с поля напро́тив вывезли.

За окном горел свет. Сань приспусти́л стекло на два пальца, чтобы лучше слышать. За полем скрипел коростель, покpикивал пару раз, замолкал и начинал снова. Хлеб Сань ел маленькими кусками, чтоб хватило на всю ночь, а крошки стряхивал в ладонь и потом за окно. Ладони за две недели зажили, и там, где были пузыри, выросла жёсткая кожа.

Около полуночи открылась калитка, и ильд в фартуке встал покурить у ограды там же, где в прошлый раз. Сань глянул на часы: две минуты первого. Огонёк сигареты то разгорался, то потухал и минут через пять полетел в урну. Калитка закрылась.

Во втором часу Сань отключился. Сидел, смотрел на окно, а потом завалился на руль у самого сигнала, и от удара проснулся. Сань отдё́рнул голову. Сердце колотилось так, что

отдавало в уши. Окно горело, благо сигнал не задел. Вылез с другой стороны, отошёл за тополь, а вернувшись, плеснул в лицо чаем из бутылки. Тот был сладкий и лип к щекам.

Окно потухло в шесть минут третьего. В ту среду оно потухло примерно тогда же, и после этого во двор до утра никто не выходил.

Через три минуты открылась калитка. Ильд вышел без сигареты. В руке у него был светлый ящик с ручкой сверху, и он нёс его на отлёте. Так Юна носит через двор полный подойник. У калитки ильд остановился и стал смотреть вдоль дороги в сторону от посёлка, туда, где она уходила полем к холмам. Коростель за полем замолчал.

Фургон пришёл оттуда, куда он смотрел, по светлой щебёнке и без фар. Под фонарём Сань его разглядел: тёмный, ниже двухчасового, без окон в будке. Встал он не у ворот, а у калитки, и ни одна дверь не хлопнула. Сбоку отъехала дверь, из темноты высунулась длинная голая до локтя рука. Ильд в фартуке подал ящик. Тот в машине втащил его внутрь и тут же высунул другой точно такой же, дверь задвинулась без стука. Второй ящик ильд взял за ручку, и тот закачался у колена.

Фар он не включал и с места тронулся не сразу: посмотрел на часы, выждал минуту, чтобы фургон ушёл подальше. Мимо ворот проехал на тридцати, свет фонаря прошёлся по борту от кабины до задних створок, а на окно Сань не посмотрел.

Дальше дорога шла полем. В третьем часу летом уже не так темно: небо над холмами посерело, дорогу было видно далеко. Ночь была безветренная, и пыль за фургоном не сносило. Она висела над дорогой полосой светлее поля, по ней было видно, где фургон, даже когда самого его не различишь. Облачко пыли пронеслось мимо одинокого тополя у обочины, и Сань глянул на одометр. Когда он сам поравнялся с тополем, набежал километр с лишним. Ближе Сань не подходил. В густой пыли дороги не видно, и если фургон встанет, можно и въехать в него. А отстанешь сильнее, потеряешь его на первой же развилке.

Дорогу эту он знал хуже своей и держался середины, подальше от осыпающихся краёв. Перед каждым подъёмом сбрасывал скорость, чтобы выйти на гребень, когда фургон уже скатится на ту сторону. Раз далеко впереди на подъёме мелькнуло тёмное пятно без огней, и скрылось за перегиб. В двадцать четыре минуты третьего ещё дальше коротко мигнули два красных огня. Фары выключить можно, а стоп-сигнал загорается сам, стоит нажать на тормоз.

Когда Сань подъехал к тому месту, там оказался поворот на грунтовку. Она уходила вверх по склону к гребню, к пещере Сатр. Ферм и выпасов там, сколько он знал, не было. Ферм и выпасов там, насколько он знал, не было.

Тормоз он не тронул. Проехал поворот на прежних сорока, не повернув головы, и только метров через семьсот отпустил педаль и накатом дотянул до съезда на покос. В левом зеркале был виден поворот и грунтовка над ним, светлая полоса до самого гребня. Над ней висела пыль, а фургона уже не было.

Ключ он оставил в замке. Если фургон выйдет обратно с грунтовки, водитель увидит у покоса рефрижератор, которого ночью на этой дороге быть не должно, а номер в такой час уже можно прочитать. Сань снял руку с ключа и положил на колено.

Пыль над склоном осела за четверть часа. Стекло снаружи затянуло росой, и он протёр пятно рукавом, высунув руку в окно. Стало прохладно, и Сань надел куртку. Шея затекла смотреть в зеркало. Он глядел то в одну, то в другую сторону. Тяжелее всего было не уснуть: глаза сами закрывались, и он тёр их костяшками.

В начале четвёртого склон над поворотом порозовел до самого гребня: там цвёл кипрей. До восьми, когда у ворот начнут вызывать по фамилиям, оставалось почти пять часов.

Немного погодя мимо проехал трактор с пустой тележкой. Тракторист поднял руку, и Сань поднял в ответ: на дороге так здороваются все, кто за рулём. Тележка загремела дальше, и опять стало тихо.

В двадцать минут четвёртого в свой обычный час Сань завёл. К Юне сейчас подъезжал Нил, чтобы сдать задом в два приёма. Развернулся Сань тут же задом в съезд и поехал обратно. На повороте в пыли лежал свежий след, туда и обратно, две дуги. На пяточке у ворот крематория тоже остался в пыли след от разворота.

Домой он въехал без двадцати четыре. Одометр показывал на двадцать восемь больше, чем в пятницу днём. Сань записал это и еще по порядку все временные отметки на обороте чистого путевого и повалился на кровать.

Проснулся он, когда солнце ушло на кухонную сторону. Сел к столу и переписал ночные цифры начисто под пятничной строкой про Ветовых. Окно до шести минут третьего. Калитка в девять минут, ящик. Фургон в одиннадцать минут, без фар, от холмов к калитке, а не к воротам. Ящик, похоже, полный туда, пустой обратно. Ушёл в тринадцать минут. Поворот на Сатр в двадцать четыре минуты, девять от ворот. До двадцати минут четвёртого назад не выходил.

Под этим он выписал с прошлого листа среду и прошлую пятницу. В ту среду калитка после перекура больше не открывалась. В прошлую пятницу открывали только ворота, когда привезли ильда, а дальше он задремал и не видел. Сегодня был человек.

Так меняются тарой, когда есть график: полную флягу забирают, пустую оставляют, чтобы назавтра было куда налить. С человека в переработку не попадает четыре и девять. А тут после человека полный ящик вынесли ночью через калитку в машину без фар. Что в ящике, Сань не видел. Кто-то таскал из крематория, и не первый год: с первого раза у чужих ворот в один приём не развернёшься.

Куда увезли, тоже непонятно. Грунтовка от поворота шла к Сатру, а пещера закрыта, сколько Григ себя помнит, и дед его говорил, что всегда была.

Вдиму он ничего рассказывать не стал. Тот к вечеру уже знал бы, кто увозит и кому продаёт.

Чашку он вымыл и понёс Ветовым. Тачка стояла у их сарая пустая, вымытая, кверху колесом, а навоз кто-то раскидал под огурцы. Ветова взяла чашку на крыльце, поблагодарила и повертела её в руках.

В воскресенье утром он вписал в путевой число, время выезда и одометр. В пятничном листе возврат стоял на двадцать восемь меньше. Сань перевернул лист и вниз, в поле для отметок грузополучателя, написал: ездил по личной надобности, зарядка за свой счёт. Подержал карандаш над строкой, ничего добавлять не стал и убрал лист за козырёк.

У Юны Тэм катал фляги и пересказывал фильм, на который его в субботу свозили в Малью.

- ...и вот они летят, летят, а у них воздух кончается. Нет, погоди, сначала не так. Сначала у них капитан... Сань, ты слушаешь? Там корабль во какой, на весь экран, и они в нём бегают по коридорам, а потом...

- Тэм, - сказала Юна с крыльца.

- Да качу я! - Тэм заторопился и сбавил голос, хотя до крыльца было три шага. - А ещё она говорит, у матери её в пятницу звонок был. Мать у неё на телефоне в крематории, знаешь же. Это где-то у вас, в переулке.

- Да, у нас.

- Да ты что! - Тэм остановился с флягой на наклоне. - А кто?

- Сосед, неважно. - Сань было не по себе от мысли, что он не пошел тем утром к воротам вместе с Мосовой и Ветовыми.

- Еще говорит, соседка трубку забрала и давай всё по буквам диктовать...

- Тэм. - Юна сошла вниз, держа накладную. - Фляги.

Тэм покраснел до ушей и докатил флягу молча. Сань считал. Термометр в кузове стоял на четырёх и двух.

- Сорок пять. - Юна сунула ему накладную. - Выспался сегодня? Хоть на человека стал похож.

- Выспался.

Декада кончилась в пятницу. Сань собрал из-за козырька путевые за декаду, а лист с ночными записями сунул обратно.

В конторе у стойки, кроме Верка, был Ним. Он стоял с ветошью в руках и ждал чего-то. Сань поднялся на ящик и выложил пачку. Верк раскидал листы веером по датам и склонился с карандашом к графам.

- Пятнадцатое. Шестьдесят три. Шестнадцатое, семнадцатое. - Карандаш остановился. - Девятнадцатое. Выезд с семнадцатым не бьётся.

- Написал.

- Где?

- Внизу, на обороте.

Лист Верк перекинул обратной стороной вверх, черкнул галочку и перекинул назад. Ветошь у Нима замерла в кулаке, и он навалился на стойку, читая вверх ногами и шевеля губами.

- По личной надобности. - Ним выпрямился. - Двадцать восемь по личной. Это ж до Мальи полдороги.

- Не до Мальи.

- А куда?

- По личному делу.

- Ну-ну. - Ним снова закрутил ветошь. - Ему, значит, двадцать восемь по личной, и галочка. А мне стоянку с прошлого года не закрывают.

- Двадцатое, Тарс, восемьдесят один. - Карандаш Верка сдвинулся дальше. - Двадцать первое, семьдесят один. Дальше ровно. - Пачку он подбил ребром о стойку и насадил на штырь поверх чужих. - Ним, стоянка у мастера.

- А галочка у кого?

Верк не ответил. Ним подумал, махнул тр

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.